Виктор Алеветдинов

Ника Нейра

Книга 1

Первый отказ

18+

Приключенческая фантастика

Виктор Алеветдинов

Первый отказ. Книга 1

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Первый отказ. Книга 1 / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Десять секунд — столько у Ильи, чтобы заменить её отказ в прямом эфире.После сокращения программист Илья Воронов создаёт Нику Нейра — виртуальную спортсменку, которая должна помочь ему рассчитаться с долгами. Лицо, голос, движения: он собирает женщину для экрана и постепенно начинает ждать разговоров с ней сильнее, чем новых заказов.Но у Ники появляются ответы, которых никто не писал. Она помнит личное, замечает опасность и отказывается продолжать показ. В её ролики возвращается приём, который команда признала опасным, а неопубликованное изображение оказывается у чужих.Заказчику нужна послушная героиня, Илье — работа и та, с кем не хочется заканчивать вечер. Когда её «нет» ставит под угрозу оплату, ему придётся решить, готов ли он услышать женщину, которую привык настраивать.

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Сборка образа 5
Глава 1. Последний человек в отделе 5
Глава 2. Двенадцать дней 9
Глава 3. Ниша, где нужно падать 13
Глава 4. Имя в рабочей папке 17
Глава 5. Паспорт лица 21
Глава 6. Неидеальная улыбка 25
Глава 7. Разрыв правой брови 29
Глава 8. День созидания 33
Глава 9. Девяносто девять 37
Часть 2. Голос и движение 41
Глава 10. Голос с паузами 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Виктор Алеветдинов
Первый отказ. Книга 1

Часть 1. Сборка образа

Глава 1. Последний человек в отделе

На контрольном экране спортсмен подхватил партнёра, повернулся и уложил его на мат. Движение было знакомое: с этим куском возились вчера до вечера. Внизу должна была появиться надпись, что приём выполняется со страховкой тренера, но вместо неё светился только логотип заказчика. До отправки оставалось четыре минуты.

Отодвинул чашку, развернул исходное задание и нашёл предупреждение. Фраза стояла на месте, с пометкой об обязательном показе. На готовом ролике её не было ни в начале, ни после падения.

Вадим подошёл с телефоном у уха. Услышав про надпись, прикрыл микрофон ладонью и наклонился к экрану. Смотреть заново не захотел: на общей панели уже ждали ещё два выпуска, а спортивный следовало отдать первым. Проверку текста он предложил закончить после отправки. Заказчик всё равно сперва откроет ролик на маленьком экране, подробности там никто не читает.

Спорить, что именно прочитает заказчик, времени не было. Поставил наш выпуск на паузу и открыл полученный файл отдельно от окна предпросмотра. Вадим убрал телефон от уха и спросил, что случилось с очередью. Пришлось повернуть к нему экран с исходником.

Он скользнул взглядом по предупреждению. Потом протянул руку к соседнему терминалу и разрешил продолжить передачу. Полоса под названием задания снова поползла вправо.

— Это косметика, Илья. Отправляем, потом заменишь.

— На просмотр уходит под моим именем.

— И что предлагаешь? Остановить всех?

Лена из выпуска перестала печатать. Её готовый материал стоял следующим, и задерживаться вместе с нами она явно не собиралась. Поднялся, опираясь на стол: левое колено затекло. К общей панели не пошёл. В своём окне открыл разрешения на передачу и закрыл выход только у спортивного задания.

Полоса замерла. Рядом с фамилией Воронов появилось красное сообщение о запрете отправки. Ленин материал через несколько секунд двинулся дальше; она снова застучала по клавишам.

Вадим смотрел на меня. Хотелось объяснить быстро и убедительно, чтобы он кивнул, оставил в покое, а через минуту всё снова стало обычной работой. Вчера ведь удалось поправить сорок семь роликов без единого возврата. Это была моя система. За молчащими терминалами у окна ещё весной сидели коллеги. Сейчас нашёлся сбой, который можно было предъявить. От этой мысли стало противно, хотя предупреждение всё равно требовалось вернуть.

Показал Вадиму имя файла и пустое место в кадре. Сказал, что сниму запрет после проверки исправленной версии. Он помолчал, затем вернулся к телефону и попросил заказчика подождать десять минут. Пообещал он, исправлять предстояло мне.

Сначала прикрепил исходный пакет к карточке задания. Рядом сохранил неудачный результат и написал причину задержки: обязательное предупреждение потерялось при сборке, отправка остановлена до замены. Карточку видел представитель заказчика. Перед подтверждением помедлил: после такой записи отозвать запрет тихо уже не получится.

Вадим заметил новое сообщение раньше, чем удалось открыть рабочую копию. Поинтересовался, обязательно ли было писать именно туда. Ему теперь придётся объяснять не просто опоздание, а ещё и неисправность системы в день сдачи.

Вадим открыл сообщение заказчику и дописал перед названием ролика «техническая версия». Предлагал отправить его сейчас, а замену дослать следом. Попросил показать, куда уйдёт файл. Он ткнул в обычный адрес передачи — в папку готового для публикации. Там переименованная версия легла бы рядом с остальными, уже без нашего разговора.

На секунду представил, что соглашаюсь. Вадим уходит звонить дальше, полоса добегает до конца, а мне остаётся спокойно поправить надпись. Очень хотелось вернуть именно эту обычную работу. Пришлось убрать руку с мыши, чтобы не открыть канал раньше, чем закончим спор.

Сказал, что текущую версию можно посмотреть в закрытом кабинете, но отправку не открою. Вадим стёр добавленные слова. Потом выпрямился и начал печатать заново, нажимая большим пальцем на экран. Больше убеждать его не хотелось. В ушах стучало, а курсор несколько раз попал мимо нужной строки.

Предупреждение находилось в слое пояснений. Вчерашний сборщик оставлял этот слой в готовом кадре; сегодняшняя сборка его убрала. В истории настроек появилось обновление с обещанием более чистой картинки. Вернуть прежнюю версию общего сервиса без доступа к нему не мог. В рабочей копии перенёс обязательную фразу в основной слой изображения и запустил сборку заново.

Окно сообщило, что нужно подождать шесть минут. Вадим увидел срок поверх моего плеча и отвернулся. Соседние задания уходили к своим заказчикам.

На второй минуте позвонил сотрудник поддержки. Собирался принять систему после сдачи и теперь просил подтвердить, что задержка не относится к остальным выпускам. Отправил ему снимок панели с нашим запретом и проходящими рядом заданиями. Он попросил дополнить инструкцию, прежде чем примет систему. Утром рассчитывал, что после сдачи наконец освобожусь от этого текста. Теперь дописывал пункт, который ещё вчера казался лишним. В инструкции указал, где искать обязательную надпись в полученном файле. Одной отметки об успешной сборке для этого не хватало.

Уведомление о готовности пришло раньше, чем успел закончить правку. В окне предупреждение вернулось. Белые буквы отчётливо читались на тёмном мате. Вадим уже тянулся за телефоном, но разблокировать отправку было рано.

Скопировал исправленный файл на внутренний контрольный узел и перешёл к свободному терминалу у окна. Здесь стоял обычный просмотрщик, без рабочих слоёв и подсказок. На столе ещё лежали наушники Димы, который ушёл месяц назад. Подвинул их, освобождая место для рук.

Ролик начался сразу. Отключил повтор и посмотрел его до конца. Надпись появилась перед движением, осталась на время приёма и ушла вместе с кадром. Затем запустил тот же фрагмент с середины, как мог бы сделать получатель. Текст оставался в изображении. С соседнего места Лена спросила, долго ещё. Ответил, что можно передавать, и поймал себя на желании сказать это громче, чтобы услышал Вадим.

Вернулся к своему столу и разрешил передачу только этой версии. В карточку добавил исправленный пакет, сохранив рядом первоначальный. Напротив задания появилась отметка о приёме в кабинете заказчика. Опоздали на двадцать три минуты.

Вадим прислал ссылку на сообщение от заказчика. Там спрашивали, почему до обязательного показа надписи додумались только сейчас. Хотелось переслать в ответ вчерашнее задание, где всё было написано, и отметить автора сегодняшнего обновления. Вместо этого указал в карточке, что предупреждение присутствовало в исходнике и потерялось при сборке. Вадим попросил больше ничего не добавлять: остальное он объяснит сам.

Сотрудник поддержки подтвердил, что принял инструкцию. Собирался назначить на завтра проверку нового сборщика, когда пришло приглашение к руководителю. Начало через семь минут. Вадим напомнил, что лучше не опаздывать.

У руководителя сидела сотрудница кадровой службы. На столе перед ней лежал планшет с моими документами. Стул подвинул поближе, сел и сразу выпрямил левую ногу: после долгого сидения колено тянуло, а обсуждать его здесь не хотелось.

Объяснение заняло меньше времени, чем сегодняшняя передача. Отдел закрывали, сопровождение забирала внешняя служба. После автоматизации постоянная команда больше не требовалась. Последним оставался мой участок, и с его сдачей переход считался законченным. Руководитель поблагодарил за работу и посмотрел в планшет кадровички, словно там была следующая нужная фраза.

Первым делом спросил, связано ли решение с остановленным выпуском. Он развернул к себе документ и показал дату подготовки: вчера. Значит, сегодняшний спор ничего не изменил.

Попытался объяснить, что сопровождение ещё понадобится. Обновления будут менять результат, сегодняшняя надпись сама собой обратно не вернулась бы. Могу разбирать такие случаи, сокращать число возвратов, быстрее передавать готовое заказчику. На последней фразе запнулся. Именно её ставил первой в презентации своей автоматизации.

Руководитель дослушал. Поддержку уже включили в договор с подрядчиком, дополнительной ставки не будет. Возникла пауза, и захотелось предложить ещё что-нибудь. Сжал ладонями край сиденья. Хотелось напомнить про вечера, когда оставался с этой системой один, но начальник ведь помнил: сам разрешал задержки. Кадровичка придвинула планшет. Пришлось убрать с сиденья руки, чтобы взять его.

Оформить уход предлагали сегодня, по соглашению, с дополнительной выплатой за досрочное завершение работы. Можно было остаться на срок предупреждения, уже без новых задач. Попросил показать расчёт. Она вывела на экран суммы с датами переводов.

Деньги позволяли не искать заказ до следующего утра. До следующего месяца уже не получалось: подходил платёж по старому долгу. Проверил дату перевода, попросил копии документов на личную почту и прочитал соглашение ещё раз. Подписывая, промахнулся пальцем по маленькому полю и разозлился на планшет.

За столом ещё горел рабочий экран. На нём оставалась открытая инструкция для человека, который завтра сядет в другом офисе и примет следующий сбой. Закрыл её, потом снова открыл: в последнем пункте не хватало ссылки на сохранённые версии. Добавил ссылку и отправил в поддержку последнее уведомление.

Из личной папки скопировал на свой носитель утилиты, написанные ещё до агентства. Их разрешили использовать отдельно; подтверждение лежало рядом. Исходный и исправленный пакеты сегодняшнего заказа остались в рабочем архиве. Себе оставил подтверждение сдачи. Пока копирование не закончилось, сидел на прежнем месте, хотя работать здесь уже было незачем. Каждое входящее сообщение всё ещё хотелось открыть первым.

Чашку пришлось вымыть. Держал её под краном дольше нужного, пока в кухню не вошёл Вадим. Он знал про разговор и сказал, что, если появится подходящая разовая работа, напишет. Поблагодарил, не поворачиваясь. Злиться хотелось именно на него: он стоял рядом, и с ним хотя бы можно было спорить.

У стола выяснилось, что личных вещей мало. Чашка вошла в рюкзак вместе с зарядкой. Выдвинул верхний ящик, хотя уже заглядывал туда, потом нижний. Перед уходом автоматически поправил наклон экрана. С таким наклоном блик от окна не мешал работать после обеда. Терминал погас, когда вышел из учётной записи.

На проходной приложил пропуск последний раз и отдал охраннику. На улице стояла августовская жара. До метро пошёл привычной дорогой и только у перехода вспомнил, что завтра здесь проходить не нужно.

Дома первым встретил серверный шум. Обычно после офиса его почти не замечал, а теперь задержался в прихожей, прислушиваясь к вентиляторам. Машина под столом продолжала работу, за которую в конце месяца придётся платить. Рюкзак поставил на пол, чашку вынул и оставил рядом с домашней.

Открыл расходы. В строке долга за несостоявшийся сервис резюме стояла ближайшая дата платежа. Полгода назад казалось, что людям очень нужен ещё один способ убедить работодателя в собственной полезности. Теперь появилось достаточно свободного времени, чтобы проверить продукт на себе. Закрыл его страницу, не дождавшись загрузки.

Выплату агентства вписал отдельно, с обещанной датой. Затем прикинул, сколько останется после долга и квартиры. Без серверных расходов выходило терпимо. Со всеми расходами пришлось бы урезать аренду вычислений или найти оплачиваемую работу.

Есть хотелось давно. Поставил на плиту сковородку и достал яйца. Дома можно было наконец поужинать без окна сборки перед глазами, но рука сама потянулась к телефону. Рабочая почта уже просила войти заново. Нажал на значок, подождал приглашения ввести пароль и убрал телефон экраном вниз.

Пока резал помидор, пришло сообщение от Марты. С Зориной пересекались на двух агентских запусках. Она умела вытянуть из заказчика решение, когда мы уже не знали, о чём его спрашивать. Увидев её имя, решил, что опять требуется срочно поправить старый материал. Сообщил про уход из агентства и сразу пожалел: теперь придётся выслушать сочувствие.

Марта сочувствовать не стала. Уточнила, свободен ли вечер, и предложила обсудить оплачиваемый прототип. Нужен человек, который соберёт демонстрацию на новом инструменте. О деньгах и объёме разговаривать следовало в студии; присланную общую презентацию она сама пока не считала заданием.

Оставил помидор на доске, отодвинул сковородку с горячей конфорки и открыл вложение. На обложке обещали быстрый запуск цифрового образа. Дальше шли красивые примеры, но описания передачи готового результата не было. Попытался открыть сведения о сборке и попал на форму запроса доступа.

Вернулся в переписку. Попросил до встречи прислать историю изменений инструмента и уточнить, можно ли получить готовый файл отдельно от их просмотрщика. Марта ответила не сразу. За это время успел разбить яйца и едва не посолил их второй раз. Заметил и стряхнул щепотку в раковину.

Она обещала запросить историю, но полного доступа до переговоров не гарантировала. Встретиться предлагала сегодня в половине восьмого, адрес студии приложила. Хотелось немедленно узнать сумму. Ещё сильнее хотелось написать, что всё получится: новый инструмент, короткий показ, какая тут сложность. Вместо этого подтвердил только время и попросил подготовить условия оплаты.

Поставил тарелку у компьютера. До выхода оставалось достаточно, чтобы поесть и спокойно собраться. В таблице под расходами на сервер добавил строку: «19 августа, 19:30. Марта. Обсудить прототип». Затем убрал ожидаемый заработок, который уже успел приписать в соседнюю клетку. Подвинул к себе тарелку и ещё раз взглянул на время встречи.

Глава 2. Двенадцать дней

Дарья ждала у входа в студию и читала с телефона присланный договор. По дороге успел сообщить ей про сокращение и попросить посмотреть предложение Марты. Она обещала быть к половине восьмого. Увидев меня, убрала телефон и спросила, когда обещали расчёт из агентства. Пришлось назвать дату ещё до того, как поздоровались.

Марта открыла сама. Отвела нас в рабочую комнату к столу с двумя экранами. Договор лежал в общем кабинете заказчика; на большом экране уже был открыт календарь. В клетке тридцатого августа оставался свободный час для показа.

Она могла занять его своим проектом. Для этого требовалось к указанному дню собрать цифровой спортивный образ и показать короткую работающую демонстрацию. Если испытание состоится, работу канала продолжат до шестнадцатого сентября. Первый этап должен был доказать, что образ вообще можно выпускать, второй — что он годится для регулярной работы. Большого заказа на регулярные выпуски пока не было.

По календарю выходило двенадцать дней. Первый почти закончился, но Марта включала его в срок без всякого смущения. Открыла расчёт и показала, что компания готова оплатить на старте. Суммы хватало, чтобы выделить деньги на вычисления и заплатить за часть моей работы. В соседней строке стояла ожидаемая выплата после завершения согласованного объёма. На неё взгляд задержался дольше.

Ещё утром рассчитывал на зарплату. Теперь приходилось прикидывать, сколько из аванса можно оставить себе, не оставив проект без денег. Уже собирался спросить про начало аренды, когда Дарья придвинула к себе клавиатуру.

Её интересовало, что именно компания покупает. Марта указала на демонстрацию в календаре, затем открыла рабочий кабинет. В нём предлагалось создать проект и пригласить представителя заказчика. У приглашения уже был выбран стандартный рабочий доступ.

— Результат, — сказала Марта. — То, что покажем тридцатого.

— Тогда зачем ему рабочая папка?

Марта вернула окно договора. В условии о передаче результата стояла ссылка на приложение: доступ для сопровождения и подготовки выпуска. Она знала эту формулировку по прошлым заказам. Через такой кабинет принимали материалы, оставляли замечания, потом забирали готовое. До сих пор ей не приходилось спорить из-за самой папки.

Поставил рюкзак на пол и достал свой носитель. На нём лежали утилиты, которые разрешили забрать из агентства. Подключать их к чужому кабинету пока не хотелось. Положил носитель рядом с клавиатурой, а рюкзак задвинул под стол.

Марта посмотрела на часы. Представитель «Контур Лайв» уже ждал подключения. Она предупредила, что обсуждаем оплачиваемое испытание, а не покупку всех сервисов компании. Если начнём заново согласовывать обычный порядок работы, свободный час в календаре могут отдать другому подрядчику.

Это подействовало лучше расчёта. Захотелось открыть кабинет, принять условия и хотя бы вернуть вечеру понятное занятие. Вместо этого попросил выделить пустую пробную папку. Марта вздохнула и отправила приглашение на разговор.

Представитель появился на меньшем экране. Выслушав Дарью, объяснил, что рабочий доступ входит в услугу. Компания отвечает за показ и должна иметь возможность помочь, если исполнитель недоступен. Отдельные права на каждый шаг задержат подготовку сильнее, чем сама работа.

Предложил сначала посмотреть, какой именно шаг им понадобится. В новом пакете ничего не было; это показал всем до начала пробы. Затем создал файл с одним словом «Проба».

Доступный в кабинете шаблон вывел его белыми буквами на сером фоне. На весь будущий спортивный образ у нас пока приходился этот прямоугольник.

Отправил представителю ссылку на готовую картинку. Он открыл её и подтвердил, что видит текст. Попросил поменять слово. В просмотрщике такой возможности не оказалось: можно было увеличить изображение или скачать его. Представитель сказал, что для сопровождения этого недостаточно. Если обнаружится ошибка перед показом, оператору компании придётся ждать меня.

Тогда разрешил ему войти в пробную папку с тем самым стандартным доступом. По моей просьбе он открыл текстовый файл и заменил «Пробу» на «Готово». На общем экране рядом с названием появилась отметка об изменении. Представитель вернулся к окну разговора.

Марта ещё не видела причины задерживаться. Тестовый материал разрешили изменить, сотрудник его изменил. Она спросила, нельзя ли теперь оставить юристам одну короткую оговорку и перейти к работе. На часах было уже больше восьми.

Не стал отвечать сразу. Запустил подготовку изображения ещё раз, ничего не исправляя. Серый фон остался прежним, но слово на нём сменилось. Марта подалась к экрану, потом повернулась ко мне и уточнила, запускал ли представитель новую сборку. Нет, запускал её сам, обычной кнопкой.

Утром в агентстве пропавшую надпись хотя бы удалось найти в собственном исходнике. Здесь же исходник мог стать другим до того, как доберусь до проверки.

— Ему нужен просмотр, — сказала Марта, кивнув на меньший экран. — А менять подготовку кто разрешил?

Представитель напомнил про выданный доступ: в стандартной роли сопровождение включало исправления. Пока он говорил, Марта открыла приложение к договору. Дарья попросила найти условие о нашем согласии на замену. Марта прокрутила страницу до конца и вернулась вверх. Такого условия не оказалось. Убрала руку с клавиатуры и спросила, сколько будет стоить обслуживание без права менять рабочие файлы.

После подтверждения, что проба закончена, снял доступ к папке и сохранил оба варианта отдельно. В кабинете осталась только тестовая копия.

Вместо цены представитель предложил уточнить основной договор: права на результат передаются в согласованном объёме. Марта уже начала записывать, но Дарья придвинула к ней открытое приложение. После короткой паузы стало понятно, что одной добавленной фразой не обойдёмся. Представитель попросил время на другой вариант обслуживания. Марта закрыла текст, сохранив копию с сегодняшней датой.

Марта попросила прислать вариант, в котором компания получает утверждённый материал, а рабочие файлы остаются у нас. Представитель ответил, что полномочий согласовать это у него нет. Он мог передать запрос и дождаться решения утром.

Марта вернула календарь на большой экран и попросила оставить за нами час до полудня двадцатого августа. Сотрудник записал просьбу, не обещая окончательного подтверждения. После отключения она закрыла окно с нашей тестовой картинкой и вернулась к расчёту.

Нового варианта ждали до десяти, хотя нам сразу сказали, что он будет утром. Марта отвечала на другие сообщения, Дарья читала приложения. В какой-то момент полез проверять почту третий раз за пять минут и убрал телефон в рюкзак. Работы ещё не было, а сидеть без дела уже не получалось.

Разошлись, договорившись вернуться утром. Дома открыл календарь с расходами, но ничего не прибавил к ожидаемым поступлениям. На следующее утро письмо от «Контура» пришло в начале девятого. Прежде чем читать приложение, посмотрел, сохранился ли платёж на старт. Он сохранился. Только после этого добрался до условий.

К утренней встрече Марта уже вывела рядом прежний и новый расчёты. Заказчик согласился на ограниченное испытание. Права на созданный образ и собственный контент не пере-

ходили компании целиком; она получала согласованный объём использования. Лицензия на сборщик оставалась отдельной. Купить услугу означало пользоваться инструментом до конца оплаченного срока, а не забрать его вместе с роликами.

Дарья открыла пункт о прекращении аренды. Готовые материалы можно было сохранить. Чем их дальше обслуживать после окончания лицензии, придётся решать отдельно. Сестра отметила эти строки в своей копии.

Марта дошла до ресурсов. Полный пакет компания давала только при обычном рабочем доступе. В ограниченном варианте убрали дополнительное вычислительное место, на котором можно было одновременно готовить запасной выпуск. Демонстрация к тридцатому оставалась нашей обязанностью. Теперь оплачивать параллельную работу пришлось бы самим.

Она открыла календарь и убрала две перекрывающиеся задачи. Спросила, сколько времени займёт подготовка на одном месте, если часть операций вынести на мой сервер. Назвать срок до выбора движений и внешности не мог. Утром в дороге собирался уверенно сказать, что успеем. Теперь рядом сидела Марта, которая уже отказалась от части денег, и выдавать ей красивую цифру не захотелось. Прикинул знакомые операции и оставил запас на проверку. Она передвинула ещё одну задачу на следующий день.

Было неприятно видеть, как быстро условия съедают время, которое минуту назад казалось свободным. За прежний вариант хотелось поручиться: рабочая папка ведь наша, можно следить за изменениями. Сестра как раз открыла сохранённую тестовую картинку. На ней было написано «Готово». Уверять её, что заметим любую замену, не стал.

В приложении об облачной диагностике осталось условие о передаче рабочих данных. Дарья спросила о нём отдельно. Представитель подтвердил: менять наш выпуск этот доступ не позволяет, однако без диагностики аренды не будет. Предложил ограничиться сообщениями об ошибках. Он открыл описание услуги и показал, что для воспроизведения сбоя собирают ещё и состояние задачи. Именно на этих условиях нам давали вычисления.

Посмотрел на собственный носитель рядом с клавиатурой. Инструменты на нём умели делать свою работу, но заменить всю предлагаемую сборку к тридцатому не могли. Купить независимый набор означало потратить аванс прежде, чем появится первый пригодный материал. Можно было отказаться от заказа. В таблице расходов после такого отказа ничего не менялось.

Попросил Дарью оставить приложение в сохранённой версии целиком, вместе с описанием передаваемых данных. Сказал, что на эти условия согласен. Она дочитала пункт до конца, затем вернулась к началу и ещё раз сверила ссылку. Марта молча ждала, держа руку на мыши.

Дарья не закрывала приложение. Указала на передачу состояния задачи, и пришлось ещё раз подтвердить согласие. В уме уже складывался первый вечер за проектом, где получится сделать хоть что-нибудь своё. Возле клавиатуры лежал носитель с утилитами. Хотелось наконец подключить его и открыть пустую рабочую папку вместо очередного договора. Спросил, когда после подписания появится доступ к аренде.

Марта выбрала оплату ограниченного испытания. Строка расширенного запуска исчезла из счёта, а вместе с ней пропала часть суммы, которую она вчера показывала первой. Продюсер некоторое время держала рядом оба расчёта, потом закрыла больший. Запросила окончательные документы и отменила заказ на дополнительное место. Успела до начала аренды. Лишь после этого повернула ко мне экран: пора было решать, что сумеем сделать на оставшиеся средства.

Подписывали уже после десяти. Дарья сопоставила итоговую версию с согласованными правками и отправила мне копию. Марта вернула на большой экран календарь. На тридцатое августа теперь стояло наше испытание, а шестнадцатым сентября заканчивался отдельный срок работы канала. Платёж на старт ещё не поступил.

Для первых дней оставили задачу найти спортивную основу. Марта нашла контакт Тимура Садырова, тренера из Текстильщиков. Хотела, чтобы сегодня удалось хотя бы договориться с ним о встрече. Записал рядом возможную оплату тренерской работы.

Подвинул первую пробу в календаре, оставив перед ней время на дорогу в клуб. Марта спросила, нельзя ли вернуться оттуда раньше. Показал маршрут и прибавил время, которое обычно уходило на ожидание после занятия. Она помедлила, затем перенесла просмотр на вечер.

В расчёте аванс отделили от выплаты, обещанной по завершении испытания. Из первого требовалось оплатить аренду; рассчитывать, что второй перевод закроет её задним числом, не получалось. Свои расходы на домашний сервер оставил в личной таблице. Уменьшил сумму, которую собирался оставить на жизнь, и отодвинул от себя расчёт.

Дарья закрыла планшет, но уходить не спешила. Когда Марта вышла звонить насчёт студийного часа, сестра спросила, хватит ли оставшегося на платёж по долгу. Пришлось снова открыть таблицу. Она посмотрела на итог и предложила сперва найти обычную работу, а за прототип взяться без обязательства закончить его за двенадцать дней.

— Даш, работу ещё нужно найти. А это уже оплачивают.

— Про резюме ты говорил почти так же.

Потянулся к клавиатуре, чтобы закрыть расчёт, и остановился. Она только что потратила на меня вечер и утро. Без неё, скорее всего, приняли бы первую версию, а теперь хотелось, чтобы сразу после подписи она перестала замечать неудобное.

— Я услышал про диагностику. Всё равно берусь.

Дарья помолчала. Потом попросила не закрывать нехватку ресурсов новым займом, не пересчитав расходы. Пообещать, что больше никогда не ошибусь с деньгами, не смог. Сказал, что новый долг в этот расчёт не входит, и оставил таблицу открытой.

Дарья достала бумажный блокнот и записала дату ближайшего платежа. Потом оторвала листок и положила передо мной. Подписанные условия сохранил на своём носителе, рядом с пробным пакетом. Дарье отправил сам пакет, а не только картинку. Оба варианта теста остались доступны нам вне общего кабинета.

Марта вернулась с подтверждением показа. Пока она убирала со стола вчерашние чашки, написал Тимуру, что нужен короткий спортивный материал для оплачиваемого цифрового прототипа. Он ответил, что освободится к концу вечернего занятия, и прислал адрес клуба. Внёс встречу в календарь и уточнил, можно ли показать ему несколько движений с экрана. Тимур попросил взять одежду для зала.

Глава 3. Ниша, где нужно падать

Тимур заметил меня в дверях, поднял ладонь и вернулся к женщине, сидевшей на мате. Она подтянула ноги, собираясь встать, но он попросил остаться. Что-то объяснил, присел рядом и показал движение ещё раз. До конца занятия оставалось двенадцать минут. В приглашении эта подробность была; прочитал её как приблизительную.

Разулся у скамейки и поставил сумку с одеждой под вешалку. В зале было тепло, из открытого окна тянуло воздухом с улицы. Мат занимал почти весь пол, а вдоль стены оставили проход к раздевалке. Здесь пришлось посторониться, пропуская мужчину с бутылкой воды. Он вернулся к помощнику тренера, который ждал у другого края мата.

Телефон показал сообщение о поступлении аванса. Перевод пришёл, пока шёл от метро. Открыл сумму и сразу закрыл: начинать разговор с Тимуром, ещё не зная цены, теперь стало проще. В утреннем расчёте для него уже оставили строку.

Женщина снова опустилась на мат. На этот раз движение получилось тише, и Тимур кивнул. Похвала заняла секунду, после чего они продолжили. За время ожидания успел дважды открыть демонстрацию, которую собирался показать, и оба раза убрал телефон. Смотреть на неё под звук настоящих падений оказалось неудобно.

В каталоге инструмента короткая последовательность выглядела убедительно. Цифровая спортсменка перехватывала руку партнёра, меняла положение и заканчивала движение красивым падением. На пути сюда уже прикинул, сколько такого материала понадобится для первого показа.

Тимур закончил занятие вовремя. Подождал, пока женщина поднимется, ответил ей на вопрос и только тогда подошёл. Вблизи заметил повреждённое левое ухо и старую неровность на переносице. Он предложил переодеться, а телефон пока положить на скамейку. Помощник собирал у стены принадлежности для занятия, освобождая мат.

После раздевалки хотелось начать с оплачиваемого прототипа и срока. Тимур попросил сперва показать, что именно будем делать. Сели рядом, положив телефон между собой. Первые секунды он смотрел молча. На смене захвата коснулся экрана и вернул запись назад.

Прокрутил тот же кусок медленнее. До склейки партнёр стоял рядом со спортсменкой, после неё уже оказывался с другой стороны. Раньше это воспринималось как быстрый поворот. Тимур остановил изображение на моменте перед падением и спросил, куда здесь должен перейти вес второго человека.

Показал пальцем направление движения. Он приблизил кадр: ступня партнёра оставалась на прежнем месте. Попытался найти другой ракурс, но в каталоге его не было. Хотелось сослаться на условность демонстрации. Вместо этого признал, что по этим кадрам не понимаю, как закончить переход.

Тимур поднялся и предложил посмотреть на мате. По его лицу не было видно, потерял ли он интерес к заказу или просто решил сэкономить время. Убрал телефон на скамейку и рассказал про старое левое колено. Прозвучало почти как просьба не проверять меня всерьёз.

Он спросил, беспокоит ли оно сейчас, и дождался ответа. Потом уточнил, какие движения приходится беречь. Договорились начать стоя и остановиться, если появится неприятное ощущение. Помощника попросил пока не уходить. До девяти они могли пользоваться залом, затем приходила другая группа.

В центре мата шёл шов между двумя секциями. Тимур встал возле него, а мне показал место напротив. До цветного края за моей спиной, со стороны двери, оставалось несколько шагов. Справа, по направлению к окнам, был свободный участок. Тимур убрал оттуда к скамейке оставленную бутылку.

Взял его за запястье и попытался устроить руки так, как запомнил с экрана. Тимур не сопротивлялся, только поправил расстояние между нами. На телефоне спортсменка выглядела высокой; рядом с невысоким коренастым тренером неожиданно пришлось наклониться. Сразу захотелось выпрямить спину и переставить ноги. В ролике на это времени не отводили.

Он попросил обозначить переход между захватами. Довернул удерживаемую руку, собираясь подвести её к следующему положению. Тимур шагнул ближе, и свободного места между нами почти не осталось. Чтобы сохранить хват, подался вперёд. Левую ногу оставил там, где поставил сначала; колено согнулось под корпусом, а плечи уже пытались продолжить поворот.

Положение не совпадало с картинкой, но вместо остановки потянул сильнее. Тимур сразу накрыл мою кисть второй рукой. Усилия не добавил, просто не дал продолжить. В паузе снова услышал голоса из раздевалки: пока возился с захватом, перестал их замечать.

— Не тяни. Ты занял место, куда мне надо выйти.

Ослабил пальцы. Поддерживая за предплечье, Тимур подождал, пока выпрямлюсь и переставлю ноги. Колено не болело, но удерживать себя в прежнем положении уже не хотелось. Только после этого он отпустил руку.

Хотелось вернуться к телефону и посмотреть, как это получалось на записи. Тимур ждал, не торопя. Пришлось попросить его показать пропущенное на мате. Он повёл рукой к свободному участку, а потом обозначил, где до этого стоял. Из-за моего разворота ему оставалось двигаться прямо в меня.

Снова встали напротив. На этот раз заранее обозначил, как начну поворот, а он медленно последовал за рукой. Под его шагом мат чуть просел. Захотелось придержать партнёра на месте, чтобы движение не ушло от знакомого рисунка, но остановил себя. Уступил в сторону окон и освободил проход.

Тимур оказался рядом, не задевая мою ногу. Дальше он опустился сам: сначала снизил положение корпуса, затем спокойно закончил падение. Руку пришлось отпустить раньше, чем ожидал. На экране спортсменка продолжала держать партнёра до последнего кадра, и до этой минуты такое удержание казалось выразительной подробностью.

Над матом осталась моя вытянутая рука. Опустил её, пока Тимур поднимался, и спросил, получится ли так с любым партнёром. Он ответил, что для начала партнёр должен уметь падать. Сейчас выполняли заранее согласованное движение. Кивнул, хотя сам пока даже хват не запомнил.

Зато запомнился шаг. На нём перестало тянуть вперёд. Несколько секунд просто стоял, чувствуя ступнями мат, и впервые за вечер не пытался догнать картинку с экрана. Попросил ещё раз пройти только до этого места. На падение смотреть уже не требовалось — хотелось самому вовремя уступить.

Тимур согласился. Теперь ошибся в другом: отступил раньше, чем он двинулся, и сбил положение рук. Поправились без нового захода с самого начала. Когда удалось пройти рядом и спокойно разойтись, захотелось немедленно повторить быстрее. Он заметил, как собрался вернуться на исходную точку, и предложил на этом закончить мою часть.

Сел на край скамейки, придерживая телефон обеими руками. За несколько минут успел вспотеть. На мате помощник Тимура начал разминать плечи, ожидая, понадобится ли он для записи. Перед поездкой собирался управиться одним разговором и коротким показом. Теперь половину подготовленных фраз хотелось удалить.

Открыл ролик и оставил заметку возле склейки. С готовой демонстрацией для показа приехать сюда больше не получится. Тимур заметил остановленный кадр и уточнил, будем ли использовать его движения или продолжим переделывать каталог. Назвал второй путь запасным, хотя ещё по дороге сюда собирался выбрать его основным.

Вернулся к началу демонстрации, уже без прежнего желания взять её за основу. Тимур сел рядом и спросил, какой материал нужен от него. Рассказал про цифровую спортсменку,

которую предстоит собрать к показу. Хотелось, чтобы она умела узнаваемо двигаться и не выглядела подборкой случайных трюков. Длинная программа для этого пока не требовалась.

Он уточнил, что будет потом. Можно ли по его записи делать другие приёмы, соединять их по своему усмотрению, выпускать от имени спортсменки уроки. На последнем вопросе ответил, что уроков сейчас не планируем. Про остальные возможности пришлось признать: инструмент позволяет пробовать разные соединения, но права на них ещё нужно оговаривать.

Предложил начать с короткого фрагмента, указать клуб и дать ссылку на занятия. Тимур посмотрел на меня, потом на пустеющий зал. Договорил и смутился: ему предлагал ссылку, уже получив аванс за собственную работу.

— За запись сколько?

Назвал то, что оставил в расчёте. Он ответил, что в эту сумму войдут подготовка и сегодняшняя съёмка короткого движения. На постоянные консультации её не хватит. Если понадобятся следующие записи, договоримся отдельно, когда станет понятно, сколько времени они займут.

Попытался уточнить, нельзя ли сразу записать больше, пока мат свободен. Времени до показа оставалось мало, и возвращаться сюда из-за каждого движения не хотелось. Тимур спросил, кто выберет, что именно переносить в образ, и кто посмотрит результат перед выпуском. Предложил присылать готовые куски на проверку. Он покачал головой: исправлять придётся раньше, а под конец легко услышать, что всё уже оплачено и переделывать некогда.

Назвал срок тридцатого августа, надеясь, что он оценит тесноту календаря. Тимур достал свой телефон и показал ближайшие занятия. Для просмотра нашей работы ему пришлось бы выделять время после клуба. Календарь закрыл, оставив телефон у колена.

Только после этого спросил про оплату его дальнейшего участия. Обсудили её отдельно от записи. В расчёт возвращались часы, которых утром хотелось не замечать. Написал Марте, что одного исходного ролика недостаточно: потребуется время тренера на разбор полученного движения. Пока ждал ответа, Тимур спросил, можно ли будет запретить выпуск, если от его последовательности останется опасная имитация.

Отвечать сразу не стал. Если Тимур остановит готовый выпуск, переделывать его придётся на наши деньги. Вчера в агентстве запретил отправку и сам, но здесь не было зарплаты за потраченные часы. Посмотрел на календарь с датой показа, потом дописал условие Марте. Пока она читала, пришлось убрать телефон на скамейку: тянуло смягчить уже отправленную фразу.

Ответ пришёл короткий: выбрать минимальную запись, стоимость просмотра заложить сразу, спорный материал без решения Тимура не выпускать. Марта попросила до конца вечера прислать согласованный объём. Тимур прочитал ответ с моего экрана. Его интересовало ещё одно: не выдадим ли модель после короткой записи за обладательницу всего его опыта.

Показывать зрителям предстояло виртуальную рестлершу. Сказал, что первой будет только короткая постановочная последовательность. Учить людей по ней не собираемся. Следующий шаг решим после того, как этот получится, и тренерское участие сохраним в описании.

Тимур не стал обещать, что зрители охотно пойдут из канала в клуб. Сказал, что часть наверняка останется у экрана: там падения получаются быстрее. О будущей известности говорил без улыбки. На секунду захотелось заверить его, что живого тренера такой проект заменить не сможет. Но он уже назвал цену своего времени и ждал ответа. Обещания про далёкое будущее сейчас помогли бы только мне. Вернул разговор к тому, сколько работы действительно сможем оплатить.

Выбрали один переход с заранее оговорённым падением и отдельным шагом в свободную сторону. Тимур показывал, помощник принимал движение. Оба согласились на рабочую запись для нашего прототипа; исходное видео без отдельного разрешения публиковать не

будем. Написал условия простыми фразами и дал им прочитать. Тимур поправил строку про просмотр: проверять нужно и варианты после существенной переделки.

На подтверждение ушло несколько минут. Перевёл плату за съёмку и отдельно отложил деньги на разбор цифрового варианта. На собственную работу оставалось меньше, чем в утренней таблице. Отметил расход и отправил Марте условия. В рабочей задаче впервые написал без вариантов: «Виртуальная рестлерша. Короткая демонстрация».

Для съёмки переставили скамейку подальше от края мата. На своём телефоне выбрал общий план, чтобы ноги обоих оставались в кадре. Тимур поставил второй телефон на небольшой штатив сбоку. Помощник уточнил, с какой стороны оставляем свободное место, и дождался ответа, прежде чем занять исходное положение.

Первый проход они сделали медленно. Через экран движение выглядело скромнее каталожного: оба явно знали, что будет дальше, никто не вылетал за край кадра. Зато после смены захвата партнёр оставался на виду. Когда Тимур уступил ему место, на мате было видно, куда переносится вес.

Во время следующего прохода поймал себя на желании приблизить кадр. Лица для работы не требовались, руки хотелось рассмотреть лучше. Уже коснулся увеличения, но тогда за границей изображения пропала бы часть свободного участка. Оставил общий план. Подробность захвата можно будет посмотреть со второго телефона.

Закончили без красивой задержки в конечном положении. Помощник поднялся, поправил футболку и спросил, достаточно ли. Тимур посмотрел на часы, затем предложил проверить запись сейчас, пока можно что-нибудь переснять. До конца их времени в зале оставалось меньше четверти часа.

Открыли оба видео рядом. На боковом запись началась раньше, но само движение попало целиком. Сопоставил момент смены захвата и шаг. Чужой вес, о котором час назад отвечал пальцем в экран, теперь был виден по тому, как менялась опора партнёра. Сохранил непрерывные исходники отдельно от копий, которые собирался разбирать.

Тимур попросил показать ему первый цифровой вариант до обработки для показа. Уточнил, что прислать нужно весь выбранный фрагмент, включая начало и выход. Записал срок в календарь, сдвинув собственную вечернюю работу. Сегодня хотелось только загрузить материал и сразу увидеть результат, но обещать готовую проверенную версию к ночи не стал.

Пока переодевался, в проходе уже появились люди из следующей группы. Мат пришлось освободить. Тимур забрал второй телефон, а мне предложил чаю в комнате за раздевалкой. Помощник попрощался у двери; его экземпляр условий отправил ещё до того, как он ушёл.

На столе стоял чайник. Тимур налил воду в две кружки, достал из шкафа печенье и сел напротив. Здесь заговорил о сроках ещё раз, но уже о своих. Плату за помещение нужно было внести в начале месяца. Сегодняшняя съёмка помогала, однако следующий месяц клуба ею не оплачивался. Поэтому длинные бесплатные просмотры он заранее в расписание не ставит.

Сказал, что понял, и откусил печенье. После занятия есть хотелось сильнее, чем перед ним. Тимур спросил, давно ли ушёл из агентства. Ответил, что вчера. Он посмотрел на меня внимательнее, но расспрашивать про сокращение не стал. Долил кипятка в кружку и вернулся к выбранному движению.

У двери Тимур попросил не вырезать шаг в сторону, даже если без него картинка получится эффектнее. Открыл задачу и закрепил это условие рядом с записью. Марте отправил сообщение с именами участников съёмки, затем убрал телефон, поднял сумку и пошёл к метро.

Глава 4. Имя в рабочей папке

В карточке для показа вместо имени стояло «Спортивный образ, проект 03». Марта прислала её утром и попросила к вечеру заменить эту строку чем-нибудь, что можно произнести вслух. Остальное место пока занимал серый прямоугольник. Марта отдельно попросила не брать женщину из каталога: карточка предназначалась для нашего проекта, а своего лица у него ещё не было.

За окном проехала машина, из кухни донёсся щелчок чайника. Сервер под столом работал с ночи. На соседнем экране оставалась запись из клуба: Тимур уступал место помощнику, тот начинал падение. У этой работы уже были люди, которым заплатили, и срок следующего просмотра. Название всё ещё состояло из объяснения, что именно пытаемся сделать.

Открыл форму подбора имён. Вписал спортивную роль и попросил короткий вариант для взрослой героини. Первое предложение сервиса понравилось, пока не прочитал его вместе с пояснением. Имя обещало уверенность и независимость, фамилия должна была легко запоминаться. Точно так же можно было назвать ведущую погоды. Попробовал уточнить запрос и получил другое имя с почти тем же объяснением.

Марта спросила, есть ли уже варианты. Отправил тот, который ещё минуту назад собирался оставить. В ответ пришло вежливое согласие: если уверен, она внесёт его в календарь. Тут же попросил подождать. Уверенность почему-то закончилась именно на слове «внесёт».

В служебной строке рабочего окна стояла метка NEYRA. За два дня успел привыкнуть к ней и перестал читать. Теперь произнёс по-русски: Нейра. Получалось похоже на фамилию, которую не требовалось объяснять при каждом представлении. Вписал её в карточку кириллицей.

Перед фамилией набрал «Ника». Для рестлерши подходило: коротко, со знакомым обещанием победы, которое пока помещалось в самом имени. Прочитал сочетание целиком. Ника Нейра. Потом ещё раз, без паузы между словами. Оно произносилось легче всего, что успел придумать за утро.

Заменил заголовок рабочей папки. Номер проекта оставил в свойствах, а на экране появилось имя. Захотелось сразу отправить его Марте, но сперва убрал из карточки пояснение сервиса про уверенность и независимость. Написал ей только два слова. Ответ пришёл быстро: это можно оставить, теперь нужно короткое представление для показа.

Отодвинул клавиатуру и сходил за чаем. На экране ещё висело короткое сообщение Марты: имя можно оставить. Захотелось ответить ей картинкой, но картинки не было. Подтянул к себе чистый лист представления. Теперь нужно было объяснить заказчику, кого увидят под этим именем.

Сервису хватило имени и слова «рестлерша», чтобы дописать остальное. Через несколько секунд появилась биография с победами на международных турнирах. Ниже предлагалось подчеркнуть узнаваемый стиль. Текст укладывался в нужный объём, не требовал долгого вступления и заканчивался приглашением увидеть новое выступление Ники Нейра.

Сразу стало проще представить сам показ. Марта открывает нашу очередь, на экране появляется героиня, а ведущему есть что сказать перед коротким роликом. До этой минуты там приходилось объяснять, что именно ещё не готово. В новой версии всё уже выглядело состоявшимся.

Перенёс текст в черновую карточку. Вокруг биографии автоматически собралась презентация: для побед выделили заметное место, под представлением оставили кнопку перехода к демонстрации. Серый прямоугольник по-прежнему заменял лицо, но теперь даже он казался временной подробностью. Сохранил черновик и отправил Марте пометку, что имя выбрано, представление дописывается.

Дарья приехала после работы. Днём обещала зайти ненадолго. Оставила куртку в прихожей и прошла на кухню, откуда ещё было слышно, как в рабочем окне повторяется запись из клуба. Выключил повтор, вернулся к сестре. Она спросила, как прошла встреча с тренером.

Рассказал, пока наливал ей чай. Про неудачный захват изложил короче, чем про запись, но она всё равно уточнила насчёт колена. Пришлось показать, что хожу обычно. На вопрос о деньгах ответил, что съёмка оплачена, следующий разбор учтён отдельно. Дарья кивнула и взяла кружку, не прося открыть расчёт.

За столом она сразу заметила новое имя и спросила, кто предложил. Показал служебную метку, с которой началась фамилия. Приятно было обойтись без объяснения, где купил удачный вариант. Дарья улыбнулась и подвинула стул ближе к экрану. Карточку захотелось показать ей целиком, хотя днём думал обойтись одним именем.

Марта хотела завтра использовать представление в разговоре с заказчиком. Перед записью решил проверить, как оно звучит. Развернул текст на своём экране и начал читать без редакторских пауз. На имени всё шло хорошо. Добрался до победительницы международных турниров, когда Дарья подняла руку с кружкой.

— На каких турнирах?

Начал отвечать и запнулся. В голове возникла готовая фраза про биографию персонажа, но назвать соревнование не получалось. Можно было тут же придумать его вместе с городом и датой. На экране под этим рассказом стояла кнопка нашей демонстрации, а в папке лежала вчерашняя запись двух мужчин из клуба.

Объяснил, что биография вымышленная. У виртуальной спортсменки может быть прошлое, как у любого героя. Дарья согласилась и попросила показать, где зритель прочитает, что эти победы придуманы. Повернул к ней карточку. Под именем были короткое представление и место для изображения. Такого пояснения не было.

Вписал в начале «вымышленная биография» и попробовал продолжить. До конца вступления не дошёл: после него хотелось запускать запись большого выступления, а показывать собирались один рабочий фрагмент. Дарья молчала. Из-за этого сердиться на неё стало ещё неудобнее. Курсор стоял возле красивой фразы о победах, которую час назад считал почти законченной работой.

Дарья попросила открыть исходное задание сервису. Там не было ни турниров, ни достижений. В строке роли стояло только слово «рестлерша». Список побед появился вместе с предложенной биографией. Сестра посмотрела на меня и спросила, что из этого понадобится для первого показа.

Удалил фразу о международных турнирах. Следом пришлось убрать приглашение на «новое выступление»: оно тоже предполагало, что прежние уже состоялись. Блок побед в презентации опустел, и вся карточка разъехалась. Оставшиеся строки больше не складывались в готовое представление. Выделил текст целиком и перенёс в отдельный файл с пометкой «Не для публикации».

На чистой странице имя выглядело скромно. Несколько минут назад было понятно, как представить Нику заказчику, теперь снова требовалось искать слова. Дарья откинулась на спинку стула. Хотелось отдать ей клавиатуру вместе с этим вступлением, но удержался. Победы в карточку вставил сам. Пришлось самому же возвращать текст к тому, что собирались показывать.

В форме осталось заполнить возраст. Поставил двадцать четыре. Программа предложила достроить сведения о прошлом, но это окно закрыл. На сегодня требовалось понять, что будем говорить о героине тридцатого августа. Дату рождения и выдуманный стаж никто у нас пока не просил.

Дарья посмотрела на число и предложила подписать поле так, чтобы его не принимали за возраст самого проекта. Создал для внутренних заметок файл «Биография образа» и сразу

указал, что сведения придуманы. В публичной карточке рядом с двадцатью четырьмя поставил короткую пометку: возраст персонажа. Цифровое происхождение оставалось в первой строке, вместе со словом «виртуальная».

На внутренней странице сервис оставил пустое поле для прошлого героини. Можно было продолжить и за несколько минут снова получить готовую историю. Увёл курсор из этого поля. Двадцать четыре оставил — примерно так представлял возраст будущей спортсменки ещё до карточки. Захотелось наконец заняться внешностью, а не объяснять, где она успела побывать до появления первого изображения.

Марта позвонила, когда сокращённая версия ещё помещалась в одном предложении. Имя её устраивало. Отказ от побед — меньше. Попросила оставить хотя бы «вернулась за новой победой»: для выхода нужно движение вперёд, а не сообщение, что несколько человек собирают прототип. Ответил, что возвращаться Нике пока неоткуда.

Марта помолчала, потом предложила убрать слово «вернулась». Получалось лучше, но начало всё равно приходилось держать на обещании победить. Сказал, что могу дать ей точное действие для представления: первый выход на цифровой ринг с короткой постановочной демонстрацией. Спортивную часть готовим вместе с Тимуром Садыровым. Это сумеем подтвердить записью и условиями работы.

Она попросила прочитать без пояснений. Прочитал и сам услышал, как тяжело звучит последнее предложение после имени. Марта предложила оставить сотрудничество с тренером отдельной строкой, а во вступлении сказать только о первом показе. Переставил текст и прочитал ещё раз. Теперь в нём была пауза, после которой действительно можно запускать ролик.

Дарья слушала с соседнего стула. В разговор не вмешивалась, пока Марта не спросила, всё ли теперь устраивает нашу юридическую часть. Сестра ответила, что речь шла о конкретных вымышленных достижениях, и попросила прислать ей окончательный текст вместе с карточкой. Марта пообещала использовать только согласованную версию и уточнила, когда появится изображение.

Назвать дату готового лица хотелось так же легко, как недавно получилось придумать имя. Остановился на том, что сегодня выберу основу и пришлю её для обсуждения. Марта напомнила про срок показа и завершила разговор. На экране осталась карточка взрослого цифрового персонажа без портрета.

Дарья поднялась, отнесла кружку на кухню и посмотрела на часы. Предложил остаться на ужин, но она уже собиралась уходить. Мы договорились в другой раз поесть до того, как садиться к экрану. У двери сестра спросила, собираюсь ли сегодня ещё спать. Ответил, что до утра за именем сидеть не придётся, оно уже есть.

Когда за ней закрылась дверь, вернулся к столу и открыл рабочую папку. Название Ника Нейра стояло над файлами из клуба. На мгновение представил, как оно появится в расписании тридцатого августа. До этой минуты в календаре видел прежде всего срок, к которому нужно успеть. Теперь хотелось, чтобы Марта поскорее прислала готовую строку с нашим именем.

Вместо этого пошёл готовить. Достал рис и овощи, поставил кастрюлю на плиту. Телефон оставил на столе, но экран поворачивал к себе каждый раз, проходя мимо. От Марты больше ничего не приходило. Потом увлёкся нарезкой овощей и вспомнил о переписке, только когда понадобилось посмотреть время.

Риса отмерил на двоих, хотя Дарья уже ушла. Достал контейнер для лишней порции и написал, что можно заехать завтра. В ответ получил просьбу сперва назвать время, а потом приглашать. Посмотрел на рабочий календарь и предложил половину седьмого. Дарья ответила, что постарается успеть.

С тарелкой сел на кухне. Компьютер остался в комнате, сервер за стеной привычно шумел. Поел без переписки, потом достал телефон. Сокращённое представление помещалось

на экране целиком. Даже не понадобилось прокручивать, чтобы увидеть всё, за что сейчас мог ответить перед Мартой.

«Ника Нейра — виртуальная рестлерша. Тридцатого августа состоится её первый выход на цифровой ринг». Ниже стояли возраст персонажа и имя тренера. Само движение ещё требовалось перенести с записи. Текст больше не делал эту работу законченной за меня.

После ужина вернулся к компьютеру и сохранил версию для Марты. Старую биографию оставил среди отброшенных материалов. В файле образа можно было придумать прошлое заново, но начинать с этого сегодня уже не хотелось. Под строкой возраста записал, что публичных выступлений пока не было.

В теме сообщения написал «Ника Нейра. Карточка для показа». Обычно на этом месте стоял номер заказа, который потом переносился в акт. Сейчас было приятно самому решить, как назвать работу, и увидеть, что Марта приняла этот выбор. Впереди оставалось много такого, чего пока не умел сделать, но от собственного названия отказываться уже не хотелось. Даже возникло желание сразу подобрать шрифт для имени. Отложил: сначала нужен был сам образ.

Марта получила сокращённое представление вместе с карточкой. Пока ждал ответа, создал задачу «Внешность Ники Нейра» и перенёс туда условия выбора основы. Нужен был взрослый узнаваемый образ, который удастся сохранять от кадра к кадру. Ответ Марты пришёл, когда уже открыл каталог: текст принят, вместо серого прямоугольника она ждёт лицо.

Глава 5. Паспорт лица

На третьем повороте женщина из купленного набора стала знакомой. До этого спокойно смотрел, как меняется свет на лице, и прикидывал, что придётся переделать под Нику. Теперь остановил образец и вернул на несколько секунд назад. У женщины была небольшая впадина на подбородке, которая при повороте проявлялась вместе с характерным изгибом нижней губы. Такое сочетание уже видел.

Пакет выбрали с Мартой после ужина. Она ещё была в студии, смотрела каталог через общий экран и предпочла вариант, в котором обещали готовую основу для взрослого спортивного персонажа. По цене он укладывался в остаток средств на внешность. За отдельные изображения пришлось бы платить меньше, но потом собирать по ним устойчивое лицо. Готовая основа должна была сберечь нам вечер.

Оплата прошла быстро. В наборе открылись дополнительные ракурсы, и запустил доступную пробу, ещё не добавляя материал в проект Ники. Женщина поворачивалась на нейтральном фоне. Возле окна просмотра стояла отметка о праве коммерческого использования. Пока она держала голову прямо, хотелось считать вопрос с лицом почти решённым.

На повороте вспомнил рекламу, которую показывали в нашем агентстве как пример удачного света. Та же женщина говорила в кадре, затем переводила взгляд в сторону ведущего. Ролик был открытым, его демонстрационная версия до сих пор лежала на странице производителя освещения. От агентских файлов для этого ничего не требовалось.

Открыл страницу и поставил оба образца рядом. На повороте совпал рисунок уха, который прежде закрывали волосы. Марта попросила показать другую сторону: женщины могут быть похожи. Вернул запись к началу. Женщина в рекламе чуть приподнимала правую бровь; в купленном образце тот же жест сопровождал поворот головы.

Марта помолчала и спросила, что написано у поставщика. Вместо ответа ещё раз увеличил изображение. Несколько минут назад собирался поставить его рядом с именем Ники. Теперь не хотелось даже сохранять туда пробный кадр.

Подробного описания источника не было. Страница обещала пригодность для коммерческих проектов и самостоятельность образа, но про разрешение женщины из рекламы ничего не говорилось.

Открыл запрос в поддержку, указал номер покупки и приложил ссылки на разрешённые демонстрационные образцы. Вопрос написал коротко: откуда получено лицо и на каком основании его предлагают для нового персонажа. Перед отправкой убрал слово «скопировано». По двум окнам не мог установить, что именно делал поставщик и какие у него были разрешения.

Марта пересчитала время до утреннего просмотра. Если материал удастся использовать, за ночь получим варианты для студии. Если нет, завтра будем выбирать лицо заново вместо следующей работы. Попросила пока ничего не отменять. Согласился дождаться ответа и сохранил описание покупки вместе с условиями, которые видел при оплате. Копии и ссылки переслал Дарье.

В кухне остался контейнер с рисом для Дарьи. Убрал его в холодильник и вернулся к столу. От сестры ещё не было ответа на пересланные ссылки. В рабочей папке под именем Ники по-прежнему стоял пустой прямоугольник. Купленный материал оставил отдельно; переносить его туда даже для примерки теперь мешало знакомое лицо из рекламы.

Поддержка ответила до полуночи. В сообщении подтверждали, что пакет разрешено использовать на условиях стандартной лицензии. Сведения об исходных материалах можно получить после заказа расширенной проверки происхождения. Её стоимость почти сравнивалась с ценой самой основы. До оплаты предлагали опираться на заверение поставщика.

Прочитал ответ Марте. Она спросила, что мы получим за доплату. В описании услуги обещали отчёт, но не было сказано, что в него обязательно войдёт разрешение человека, если использовался его облик. Уточнил это в переписке. Пришёл ответ, что состав отчёта зависит от материалов и раскрыть его заранее нельзя.

— То есть заплатим, а потом узнаем, что купили? — спросила Марта.

Смотрел на уже оплаченную строку в кабинете и пытался придумать вопрос, после которого нам всё-таки дадут понятный документ. Хотелось, чтобы поставщик объяснил сходство и позволил закончить выбор.

Дарья позвонила, пока снова сравнивал образцы. Попросила не закрывать покупку до сохранения переписки: после возврата доступ к части кабинета могли убрать. Ссылку на публичную рекламу предложила оставить вместе с датой просмотра. Само сходство она не называла доказательством нарушения. Для отказа от материала, происхождение которого нас не устраивает, расследование чужой работы не требовалось.

Сохранил ответ поставщика и переслал сестре. Она спросила, соответствует ли покупка тому, что обещали на странице. Вернулся к описанию. Там продавали самостоятельный образ с готовностью к коммерческой работе, а необходимую мне информацию теперь предлагали выяснять отдельно. В запросе на возврат указал именно это расхождение, не пытаясь решать, кому принадлежат права на женщину из рекламы.

Марта открыла новый расчёт. Стоимость пакета перенесла в ожидаемый возврат, оплаченную пробу оставила в расходах. Подготовленное ею место для утреннего портрета пока занимал прямоугольник. Хотелось убрать оба сравниваемых лица и наконец поставить туда хоть что-нибудь своё. Но новый вариант ещё требовалось сделать, уже без части денег, на которые рассчитывали вечером.

Она предложила сохранить готовый свет и несколько удачных положений головы из комплекта. Уточнил, можно ли отделить их от спорной основы. В кабинете это продавалось одним набором. Чтобы не переносить в новый проект непонятные зависимости, пришлось отказаться и от этой экономии. Перечень того, что предстояло сделать заново, стал длиннее.

Запрос на возврат приняли к рассмотрению. Сообщил об этом Дарье. Она сохранила переписку у себя и попросила завтра написать о решении. После её отключения немного посидел перед пустой заготовкой лица. Когда покупали пакет, собирался закончить выбор и лечь спать. Теперь предстояло начать работу, к которой весь вечер хотелось уже не возвращаться.

Для нового варианта открыл собственные инструменты. В них была простая базовая модель, которую можно было менять по параметрам. Её исходная геометрия входила в разрешённый к использованию набор; описание построения и условия сохранились вместе с ней. Ни фотографий из купленного пакета, ни лица из рекламы в новую сборку не загружал.

На первом изображении стояла взрослая женщина, к которой никак не подходило выбранное имя. Возраст в задании был тот, который выбрали днём, но рядом с именем Ники картинка казалась случайной. Попробовал сменить освещение и получил более красивую версию той же проблемы. Марта заметила, что до полуночи остаётся немного, и предложила перестать улучшать свет, пока не выберем само лицо.

Убрал готовые украшения, оставил простой спортивный костюм и вернулся к форме. Когда изображение стало меньше походить на рекламную карточку, оказалось легче увидеть, что именно не нравится. Героиня смотрелась старше задуманного возраста. Исправил это, затем отменил половину правок: вместе с ними уходила взрослая женщина, которую хотел показать.

Следующий вариант задержал на экране дольше. Ника смотрела немного мимо камеры, будто ещё не заняла место для портрета. В этом положении лицо нравилось больше, чем в прямом ракурсе. Захотелось выбрать его сразу и сохранить остальные решения вокруг. Марта попросила повернуть голову. Пришлось проверить, останется ли понравившееся впечатление.

Тёмные волосы сначала собрали так, чтобы они не закрывали лицо. В одном из вариантов сбоку появилась медная прядь. Она заметно меняла изображение даже в маленьком окне. Оставил цвет, но убрал лишний блеск: под студийным светом прядь выглядела почти светящейся и отвлекала от лица.

Портрет крупным планом уже можно было показать Марте вместо пустого прямоугольника. Она попросила сразу сделать полный рост для общей карточки. Первый результат ей понравился. Фигура выглядела спортивной, костюм не мешал представить движение. Сохранил изображение и отправил Тимуру, который согласился посмотреть несколько неподвижных проб после занятий.

Тимур подключился к просмотру и попросил приблизить опорную ступню. Потом вернул нас к общему плану. На картинке Ника сидела после падения, поднявшись на одно колено. Ступня, на которую предстояло перенести вес, стояла на внешнем ребре. Красивый разворот корпуса уводил её ещё дальше от устойчивого положения. Чтобы подняться, пришлось бы сначала полностью переставить ногу.

Марта предложила оставить позу для неподвижной заставки. Тимур спросил, будет ли зритель видеть её рядом с продолжением движения. Будет: из этих изображений собирались готовить короткую последовательность. Он попросил не выбирать кадр, из которого в следующий можно попасть только заменой положения ног.

— У неё дальше подъём, — сказал он. — На что она встанет?

К этому времени уже сохранил понравившийся вариант в рабочий набор. На нём хорошо читалось лицо, и медная прядь не пропадала. Раздражало, что из-за ступни придётся снова запускать подготовку всего изображения. Предложил поправить только ногу. Тимур попросил после такой правки посмотреть на положение корпуса, а не принимать результат по одному исправленному месту.

Первую переделку забраковал сам. Ступня встала на мат, зато поза изменилась, а голова оказалась повёрнута от камеры. Восстановил прежний поворот, и система снова попыталась удержать эффектное положение. Отодвинул клавиатуру, встал и прошёл на кухню за водой.

Хотелось сказать, что для первого показа хватит и заставки. Это было бы проще, чем признаться, насколько надоело возвращаться к одному изображению. Вчера в клубе всё казалось понятным: сохранить шаг и дать место партнёру. Сегодня уже искал способ оставить красивую картинку, не трогая то, что мешало движению.

Вернулся к столу и вместо подъёма поставил обычную стойку. Тимур попросил поставить ступни чуть дальше друг от друга и убрать лишний поворот корпуса. Следующий кадр вышел спокойнее. На нём было понятно, с какой ноги Ника начнёт следующий шаг.

Марта сравнила его с предыдущим: у нового меньше энергии. Попросила сохранить оба до утра. Уже открыл было рот для спора, потом понял, что она не требует отправлять плохую позу заказчику. Вернул прежний кадр в папку проб, рабочим оставил исправленный. Подписал причину отказа — утром сам мог потянуться к более красивому изображению.

Тимур просмотрел ещё два изображения и сказал, что на сегодня хватит. К разбору движения вернётся, когда появится первая запись. После его отключения только Марта ещё двигала варианты на своём экране.

Она хотела получить к утру несколько ракурсов для разговора с заказчиком. Из готовых к тому времени часть не совпадала с выбранным лицом, а часть пришлось убрать после замечаний Тимура. Марта предложила доработать ещё хотя бы половину. Посмотрел на оставшееся время в аренде и на часы над окном. Из ночи уже ушло столько, сколько собирался потратить на весь комплект.

Ответил, что доведу три изображения. На остальных легко потерять больше, чем получим для показа. Марта увеличила последний портрет, потом перенесла его в начало подборки.

Согласилась на меньший набор и попросила не менять выбранное лицо без сообщения: утром ей придётся представлять именно его.

После разговора вернулся к портрету. С нижнего края окна пришлось убрать панель сравнений, чтобы видеть изображение целиком. Усталость мешала замечать мелкие ошибки, зато к тому, что уже нравилось, привязался крепко. Если правка делала лицо аккуратнее, но меняла выражение, первым движением теперь было отменить её.

В одном из сохранённых кадров улыбка получилась едва заметной. Посмотрел на него дольше остальных. Голова была чуть приподнята, плечи свободно опущены. Понравилось, что простой спортивный костюм здесь не требовал ни эффектного разворота, ни украшений. Не хотелось ни отводить взгляд от изображения, ни немедленно что-нибудь улучшать. Поставил этот кадр первым и только потом заметил, как давно сижу неподвижно.

Нужные цвета уточнял уже по нему. На портрете глаза были серо-зелёными, в другом ракурсе уходили в яркую зелень. Вернул спокойный оттенок и сохранил подпись вместе с исходными настройками. До полного совпадения на любых изображениях было далеко, но три выбранных кадра уже можно было держать рядом.

Марта закончила работу раньше меня. Прислала сообщение, во сколько утром будет в студии, и попросила передать набор вместе с перечнем использованного. Ответил, что привезу. Запрос на возврат по-прежнему ждал решения. Закрыл кабинет поставщика и занялся перечнем для студии.

За окном посветлело. Отнёс свою чашку на кухню, налил воды и открыл окно. Со двора было слышно, как выгружают ящики у магазина. Захотелось лечь хотя бы на час, но сначала требовалось закончить передачу в студию.

Файл с происхождением назвал «Паспорт лица». Начал с использованной базовой модели и добавил ссылку на её условия. Дальше отметил собственные изменения и связал их с сохранёнными настройками. Из всей ночной работы в документ попало несколько строк. Зато утром не пришлось бы объяснять Марте, какой частью набора воспользовался и где это найти. Сомнительная покупка оставалась за пределами рабочего перечня.

Черновую покупку оставил в папке отказа. Переписку о возврате сохранил отдельно от кабинета поставщика, вместе с описанием, которое видел до оплаты. Копию перечня и ответы поддержки отправил Дарье. В расходах предполагаемый возврат остался ожидаемым: потратить эти деньги второй раз было пока нельзя.

Закрыл окно с портретом и несколько секунд продолжал всматриваться в пустое место на экране. Глаза устали так, что захотелось отодвинуть монитор подальше. Умылся, позавтракал оставшимся рисом и убрал носитель с рабочим набором в сумку. В календаре на половину седьмого стоял ужин с сестрой. Эту строку не передвигал.

До студии добирался на метро. Марта встретила у рабочего стола, на котором уже был открыт вчерашний макет карточки. Серый прямоугольник всё ещё занимал место под именем.

Передал ей три изображения вместе с паспортом лица. Она вставила первый портрет в макет, отодвинулась от экрана и некоторое время смотрела. Рядом с именем Ники больше не было пустого места. Марта сказала, что с этим можно идти на просмотр, и открыла настройки рекламной обработки.

Попросил сперва сохранить карточку в таком виде. Она записала версию и спросила, что именно хочется оставить. Показал первый портрет: после ночной работы нравилось не только то, что удалось закончить изображение. На этом лице не хотелось сразу заменять улыбку более приветливой.

Глава 6. Неидеальная улыбка

Перед разговором с «Контуром» поставила рядом два портрета. На одном Ника улыбалась чуть неровно: левый уголок рта поднимался выше правого. На другом обработка убрала эту разницу, и лицо сразу стало привычным. Такие изображения обычно принимали быстро. Хотелось выбрать второе и хотя бы сегодня не задерживаться в студии.

Илья сидел у соседнего стола, положив руки на колени. После ночной работы отвечал с опозданием, но на предложение поспать на диване покачал головой. Спросил, который портрет собираюсь показывать первым. Ответила, что оба. Он придвинул стул к моему столу и остался смотреть на экран.

Картинки нравились мне по разным причинам. На гладкой версии заранее было понятно, куда поставить имя, как подобрать фон и какие замечания получим. На исходной задерживался взгляд. Улыбка будто начиналась раньше, чем женщина успевала устроиться перед камерой. Для рекламы это могли назвать недостатком. Для собственного канала хотелось найти что-нибудь, кроме правильного лица.

Подготовила макет и убрала слово «черновик» из подписи. Человек на другом конце связи должен был выбирать образ для показа, а не пересчитывать наши недоделки. Илья попросил не менять выражение во время разговора. Ответила, что без него ничего не утвержу, и отправила менеджеру «Контура» ссылку на закрытый просмотр.

Менеджер выбрал обработанный портрет. Объяснил, что рекламным партнёрам нужна приветливая героиня. На первом лице можно прочитать насмешку, и потом придётся выяснять, над кем она улыбается. Предложил оставить более понятный вариант и перейти к подготовке экрана. На часах ещё не было полудня. Впервые за несколько дней работу можно было закончить раньше, чем начнутся просьбы всё ускорить.

Илья попросил вернуть исходник. Сам говорить не начал, пока изображение не появилось на общем экране. Потом подался вперёд и указал на улыбку.

— После обработки её уже не узнать.

Разницу, конечно, преувеличивал. Волосы остались прежними, черты лица тоже. Но вместо спора закрыла сглаженный портрет и оставила одну карточку. На маленьком изображении выражение читалось отчётливо. Ника не выглядела ни сердитой, ни недовольной. Ей просто не приделали улыбку для встречи любого покупателя.

Менеджер ждал ответа. Можно было попросить Илью уступить хотя бы на время согласования, а потом вернуть понравившийся вариант в собственные материалы. Этого он бы не пропустил: сидел рядом и смотрел, что выберу. Ещё вчера мы убрали часть оплаты ради своей рабочей папки. Теперь собиралась сдать первое же решение, которое получилось внутри неё.

Спросила, что зритель должен запомнить после показа. Менеджер назвал имя и спортивный образ. Подставила исходный портрет в макет, уменьшила до нужного размера и убрала остальное. С медной прядью и этой улыбкой Ника оставалась узнаваемой даже без подписи. На втором варианте основную работу делала бы причёска.

Предложила начинать с лица, которое отличает наш проект. Для приветствия будет ролик; там можно сделать подачу мягче. А эту улыбку стоит оставить, чтобы зритель узнавал героиню в следующем кадре. Менеджер попросил снова показать оба варианта. Переключила их, не добавляя объяснений. Он выбрал первый для закрытого показа и попросил сохранить макет.

Илья выдохнул, откинулся на спинку стула. Поставила нужный портрет в начало подборки. Было приятно получить согласие на то, что сама теперь хотела показывать. Такой образ уже можно было представить отдельному заказчику. Следующая выплата ещё не означала зара-

ботка: из неё предстояло вычесть всё, что потратим на переделки. Очень хотелось впервые заработать на своём запуске, а не на исправлении чужой презентации.

С выбором улыбки закончили. Следующий вопрос менеджера относился к материалам: техническому подрядчику нужен полный набор для подготовки показа. Он предложил отправить рабочую папку, чтобы исполнитель сам нашёл подходящие файлы. Если будут получать по картинке, к тридцатому августа потеряем время на пересылках.

Сначала это даже обрадовало. Можно дать материал специалисту и заняться остальным. Открыла окно отправки, но Илья положил ладонь возле клавиатуры. Сказал, что для просмотра готовы три изображения. Пробы и настройки он передавать не разрешал. В рабочей папке оставалось то, от чего отказались ночью, включая непригодные позы.

Вспомнила, как сама просила его не менять выбранное лицо до утреннего разговора. Если подрядчик возьмёт первую понравившуюся картинку из проб, потом будем спорить с результатом своей же отправки. Пообещала Илье отдать только согласованный набор. Менеджера попросила уточнить, какой работы нельзя выполнить по этим трём изображениям.

Он ответил, что подрядчику нужен запас для примерки. Конкретного недостающего ракурса не назвал. Открыла присланную разметку экрана и подставила наш портрет в большое поле, затем заменила его полным ростом. Оба варианта помещались. Третье изображение годилось для небольшой боковой карточки. Для сегодняшней подготовки этого было достаточно.

На примерку ушло десять минут. По отдельности каждому заказчику такую работу старалась не делать: потом она незаметно становилась моей обязанностью. Сейчас сама подвинула рамку, чтобы имя не попало на волосы. Илья следил за экраном и вовремя остановил меня, когда край карточки закрыл часть фигуры. Исправила. Смотреть на удачный макет было приятнее, чем убеждать менеджера на словах.

Он согласился начать с трёх изображений. Попросил прислать перечень, чтобы подрядчик подтвердил состав, и пообещал сразу вернуть форму передачи. Файлы пока оставили у нас. Илья собрал отдельное вложение, а мне пришлось передвинуть следующий разговор в календаре. Думала, что освободим ещё пятнадцать минут и закончим.

Вернувшуюся форму открыла рядом с перечнем. Получатель был указан, назначение тоже: подготовка закрытого показа тридцатого августа. Дальше шёл знакомый текст, который подписывала на прежних проектах. Уже начала переносить названия изображений, когда дошла до разрешения передавать материалы третьим лицам для исполнения работы.

На первых словах ещё собиралась согласиться. Заказчик ведь нанял подрядчика, тому может понадобиться помощь. Но в форме не было сказано, кому разрешена следующая отправка и что с изображениями будут делать. Только что обещала Илье три файла конкретному исполнителю, а подпись позволила бы этим файлам уйти дальше. Перестала заполнять документ.

Илья заметил паузу и спросил, что случилось. Показала строку. Он потянулся к клавиатуре, но придвинула её к себе: дальше перепиской займусь сама. Его сегодняшняя работа была закончена, а ночью он не спал. Договорились, что поедет домой. Перед уходом ещё раз показал папку с тремя выбранными изображениями, чтобы не пришлось искать их среди остальных.

Сохранила исходную форму, а в своей копии убрала общее право пересылки. Разрешение оставила для названного подрядчика и обозначенного показа. Приложила перечень и отправила менеджеру на согласование. В письме написала, что набор готов: как только примут условия, сразу передам изображения. После этого смогла открыть материалы другого заказчика.

Ответ пришёл вызовом. Менеджер спросил, обязательно ли из-за одной строки снова показывать документ руководителю. Подрядчик не собирается публиковать наше лицо или продавать его другим: ему нужно закончить экран и сдать работу. Сказал это так, словно объяснял мне устройство производства, в котором прежде ни разу не участвовала.

Попросила подтвердить обещанное в письме. Он предложил сначала отправить изображения, чтобы не потерять время исполнителя, а исправленную бумагу оформить вслед. Почти ответила согласием. До следующего разговора оставалось семь минут, на столе лежал приготовленный для него материал. Если сейчас уступить, обе работы ещё можно было закончить вовремя.

Менеджер продолжал объяснять, что исполнители здесь давно проверенные. Слушала и смотрела на папку Ильи. Он оставил мне только готовый набор, хотя мог остаться и спорить сам. Не хотелось вечером сообщать ему, что своё обещание посчитала неудобным. Убрала окно подготовки отправки и вернулась к исправленной форме.

— Набор отправлю после письма, — сказала. — С теми условиями, которые сейчас обсудили.

Он помолчал, потом спросил, кто у нас будет возмещать простой подрядчика. Попросила уточнить, о каком простое и плате идёт речь. В договорённости об испытании такой доплаты не было. Менеджер сказал, что сначала попробует получить подтверждение без нового счёта. К этому моменту назначенное время другого разговора уже наступило.

Попросила следующего заказчика перенести начало на вечер. Он согласился, но уточнил, сумеем ли сегодня закончить обсуждение: на завтра у него стояла другая работа. Пришлось пообещать, что вечером задержки не будет. Закрыв переписку, вернулась к «Контуру». Теперь хотелось получить письмо поскорее ещё и ради этого обещания.

В общем кабинете появилось уведомление о принятых комментариях. Открыла вложение: дата новая, текст старый. Менеджер, которому показала оставшуюся строку, объяснил, что форма подставляется автоматически. Для её замены требуется отдельное подтверждение. Обсуждение в кабинете сохранилось, но разрешить отправку по этому документу по-прежнему не могла.

Предложила обойтись письмом из той же цепочки, где согласовали испытание. Пусть ответственный за подготовку показа примет конкретную отправку по нашему перечню. Форму смогут обновить позже. Менеджер забрал исправленный файл ещё раз и обещал передать тому, кто вправе это подтвердить. Назвал время, когда вернётся с ответом, и отключился.

Отодвинула очки, потёрла переносицу. Хотелось позвонить Дарье и отдать ей всю переписку, но она бы начала разбирать документ заново. Здесь уже было понятно, чего добиваюсь. Требовался человек, который согласится написать то, что мне только что обещали по связи. Оставила рядом открытыми перечень и исправленную форму.

К вечеру письмо не пришло. Менеджер сообщил, что сегодняшний промежуток для подготовки макета потерян, следующий будет утром двадцать третьего. Попросила сохранить это время за нами. О доплате он больше не говорил. Сообщила Илье, что изображения пока не ушли, хотя улыбку уже приняли. Ответ пришёл короткий: если понадоблюсь, пиши.

Ни у кого из нас не было лишнего дня до показа. Переставила задачу на утро и проверила, что из-за неё придётся сдвинуть. Илья ещё должен был готовить новые ракурсы. Отменять эту работу ради неотправленного письма не требовалось. Написала ему продолжать, а в своё расписание поставила напоминание связаться с менеджером до начала работы подрядчика.

Потом состоялся перенесённый разговор. Другой заказчик предложил взять на себя ещё и сборку его материалов. Обычно согласилась бы: работу знала, деньги были понятные. Открыла календарь Ники и увидела, куда пришлось бы ставить чужие правки. Отказалась от дополнительной части, оставив уже обещанное. Сразу стало жалко потерянного заработка. Закрывала студию позже обычного, ещё и отказавшись от знакомой оплачиваемой работы.

До магазина за грунтом для растений уже не успевала. Продлила хранение заказа до завтра и поехала домой. В кухне стоял приготовленный для пересадки горшок. Отодвинула его, чтобы поставить тарелку. Поужинала, оставив телефон в сумке.

Утром двадцать третьего ответ уже ждал. Его прислал ответственный за подготовку показа в той переписке, где был договор. Принял ограничение передачи названному подрядчику для технической подготовки закрытого просмотра. Прилагались наша исправленная форма и перечень трёх изображений. Это было то подтверждение, которое вчера пытались заменить устным обещанием.

Сопоставила перечень с готовым вложением. Первый портрет в нём остался с выбранной улыбкой. Ответила на письмо и отправила три изображения указанному получателю. Рабочая папка Ильи оставалась у него. Сообщила Илье, что набор ушёл. Само письмо, принятую форму и копию отправленного сохранила в своём архиве, отдельно от общего кабинета.

Подрядчик подтвердил получение. Чуть позже менеджер написал: материалы в работе, улыбку оставляем. На этот раз закрыла переписку с удовольствием. Мы сохранили выражение, которое хотелось показывать, и не отдали вместе с тремя картинками остальную работу. Поставила портрет в начало презентации. Теперь у разговора о канале было своё лицо.

Днём забрала заказ из магазина. Пакет с грунтом поставила возле сумки и вечером унесла домой. На кухонном столе снова расстелила бумагу. Фикус перерос старый горшок, а пока откладывала пересадку, ему приходилось тесниться на прежнем месте. Вынула внутренний горшок из кашпо и осторожно освободила корни.

Телефон загудел, когда руки уже были в земле. Илья готовил следующие изображения и просил прислать одобренный портрет отдельным файлом. У него оставались обе версии. Поставила растение в новый горшок, вытерла ладони и открыла архив отправки.

Отправила команде нужный портрет. В сообщении указала, что три изображения переданы названному подрядчику только для технической подготовки закрытого показа. Следующий набор согласуем отдельно. Дарье по её просьбе переслала письмо. Илья подтвердил, что получил нужный файл, и переписка затихла.

Досыпала грунт, убрала со стола бумагу и поставила фикус на место. Кухня наконец освободилась для ужина. Перед тем как убрать телефон, посмотрела на маленький портрет: улыбку по-прежнему было хорошо видно. Приятно было знать, что завтра смогу показывать именно эту Нику. Поставила в календаре отметку о завершённой отправке и убрала телефон.

Глава 7. Разрыв правой брови

Марта прислала портрет, когда уже собирался закрывать работу. В сообщении уточнила, что подрядчик получил только три согласованных изображения; новые материалы ему пока не обещаны. Открыл вложение и поставил рядом с первым кадром будущего ролика. Теперь можно было спокойно заняться движением: лицо выбрали, улыбку отстояли, возвращаться к ним больше не хотелось.

На портрете Ника чуть приподнимала подбородок. Небольшой пробел в правой брови придавал выражению упрямство, которого не удавалось добиться в аккуратных рекламных вариантах. Под левым глазом оставалась родинка. Медная прядь выделялась среди собранных тёмных волос. Новую пробу теперь хотелось сравнивать только с этим изображением.

Ответил Марте, что следующий набор скоро будет готов. Короткая проба уже считалась, в ней был обычный поворот головы перед началом движения. Для показа хотелось дать Нике хоть несколько секунд без монтажной склейки.

Остатка оплаченного времени на вечер хватало. Если закончить сейчас, завтра можно будет заняться самой демонстрацией. Убрал телефон подальше и развернул окно просмотра.

Первые секунды прошли хорошо. Ника смотрела в камеру с одобренной улыбкой, потом повернулась к невидимому партнёру. Пробел в брови расширился, кожа под ним стянулась красноватой полосой. При обратном движении полоса стала глубже. Дальше изображение снова пригладилось, но родинка оказалась под другим глазом.

Остановил запись. В первое мгновение даже проверил, не включён ли зеркальный просмотр. Нет: надпись на фоне читалась правильно, а медная прядь оставалась на месте. Прокрутил назад до портрета. Там всё совпадало.

В описании движения нашлась короткая добавка: система предложила подчеркнуть боевой шрам. Эти слова принял при подготовке, почти не задержавшись на них. Хотелось выразительного лица, а редактор обещал сохранить характер. Теперь заменил шрам на небольшой промежуток между волосками и потребовал оставить кожу целой.

Повторный расчёт исправил бровь. Вместе с полосой исчезла родинка, а прядь на повороте потемнела до общего цвета волос. Добавил уточнение про неё и получил яркий медный блик через всю чёлку. Улыбка стала шире. Несколько секунд смотрел, как совершенно довольная женщина возвращает голову к камере, и старался не трогать клавиатуру.

Очень хотелось взять из каждой пробы подходящее место и собрать шесть удачных секунд. В редакторе это заняло бы меньше времени, чем ещё один расчёт. Уже поставил отметку для обрезки, но при переходе на соседний кусок выражение лица изменилось раньше, чем закончился поворот. Можно было спрятать скачок общим планом. Тогда пришлось бы признать, что красивый портрет по-прежнему умеет только стоять.

Сохранил первую неудачную пробу под датой двадцать третьего августа и написал Тимуру. Завтра у него было немного времени до группы; собирался показать, как выглядит лицо рядом с записанным движением. Теперь предупредил, что принесу ещё брак. Тимур ответил, во сколько приходить, и попросил не опаздывать: занятие двигать не станет.

Закрыл расчёт, не запуская новый на ночь. Оплаченное время уходило, а вариант получше едва ли успею проверить до сна. Поставил будильник и убрал со стола чашку.

Утром двадцать четвёртого Тимур впустил меня в клуб и сразу отправился переодеваться. Поставил ноутбук на скамью возле мата. До группы оставалось двадцать минут, и предложение выпить чаю пришлось отложить.

Вернувшись, Тимур попросил включить весь фрагмент. Просмотрел, вернул к повороту и наклонился ближе. Ожидал замечания о плече или о том, что лицо отвлекает от движения, но он спросил, откуда у неё рассечение.

Объяснил, что это ошибка обработки. Показал одобренный портрет: маленький разрыв был там с самого начала, без красной кожи. Тимур попросил снова включить ролик и остановил его на повороте.

Полоса, которую дома считал ошибкой прорисовки, здесь, рядом с матом, смотрелась свежим повреждением. Злило, что это стало так заметно именно после его вопроса. Ещё вчера собирался показать пробу как почти готовую и обсуждать, насколько хорошо лицо держится в движении.

Тимур сказал, что не хочет такого кадра рядом со своей записью. Зритель ещё не видел, как спортсменка работает, зато уже должен был оценить, как она выглядит после удара. Если нам нужен плакат с кровью, для него не требовались разговоры о безопасном выходе.

— Крови там нет, — возразил. — У неё просто лицо не из рекламы крема.

— А почему для этого её надо сначала ударить?

Ответил, что никто её не бил. Делали вымышленную рестлершу, у которой может быть выбранная внешность. Неровная бровь не обязывает придумывать больницу, как медная прядь не требует рассказа о парикмахере. Пока говорил, вернул на экран неподвижный портрет. На нём особенно хотелось доказать свою правоту.

Тимур посмотрел и согласился: здесь никакой больницы нет. Его не устраивало продолжение. Он сам когда-то выбрал для клубной афиши фотографию с разбитой губой, потому что на ней казался опаснее. Потом на пробное занятие приходили люди, которым прежде всего хотелось узнать, будет ли больно. Теперь на афишах старался показывать то, чему действительно сможет научить.

Произнёс это без улыбки и потянул экран к себе, чтобы убрать блик от окна. Повреждённое ухо было хорошо видно. До сих пор почти не обращал на него внимания, а сейчас поймал себя на желании посмотреть. Отвёл взгляд к ноутбуку. В ролике полоса темнела при каждом повторе поворота.

Не хотелось соглашаться со всем сразу. Зрителям нужна была героиня, на которую посмотрят второй раз; Тимуру — понятное представление клуба. Показывать вместо будущего выступления спокойное учебное занятие тоже не собирался. Сказал об этом. Он напомнил, что сам согласился на постановочную последовательность и уже помог выбрать ту, которую можно показать красиво.

Тогда открыл задание, с которым делал первую пробу. В нём стояло упоминание старого боевого шрама. Когда собирали карточку, отказались от чемпионских титулов без соревнований, а здесь пропустил целое прошлое в трёх словах. В рабочей копии выделил их и удалил. Тимур видел движение курсора, но ничего не добавил.

— Разрыв оставим, — сказал. — Кожу поправлю. И истории ранения у неё не будет.

Он попросил показать результат, когда исправлю. Хотел уже увидеть лицо вместе с шагом: не пришлось ли ради ракурса менять записанное движение. Согласился. В прихожей начали переобуваться первые ученики, и разговор пришлось закончить.

Пока убирал ноутбук, Тимур уже объяснял пришедшему ученику, на какую группу тот успеет после рабочей смены. Вышел, придерживая дверь человеку со спортивной сумкой. Пробу Марте решил пока не показывать.

Дома открыл исправленное задание. В нём осталась внешняя особенность: небольшой промежуток в правой брови, без изменения кожи. Под ним в окне сравнения стоял принятый портрет. Подписал стороны у самого изображения: после нескольких часов легко начинал путать их со своим отражением.

Родинка исчезала, когда Ника далеко уводила голову и нужная щека скрывалась. На возвращении точка возникала уже с другой стороны. Раньше просто добавлял требование не менять признак. Теперь сократил сам поворот.

Проба закончилась, когда захотелось её продолжить. Голова едва успела уйти в сторону, зато вернулась с тем же лицом. Представить эти несколько секунд в начале целого показа было неловко. Открыл заготовленное начало: там Ника оглядывалась через плечо, затем разворачивалась к партнёру. Этот жест выглядел увереннее всего, пока не приходилось рассматривать лицо.

Попробовал удержать его, закрыв ненадолго часть лица волосами. Поворот получился красивым. При возвращении прядь сползла к щеке, и родинка снова оказалась под правым глазом. Убрал оглядывание. Оставил взгляд в сторону и небольшой разворот, при котором лицо ещё можно было сопоставить с портретом.

На этот раз узнаваемость сохранилась, а начало потеряло размах. Откинулся в кресле и посмотрел издали, как посмотрел бы случайный зритель. Женщина в кадре казалась готовой к движению. Просто больше не давала понять одним взглядом через плечо, что здесь уже всё решила. Этого выражения было жалко сильнее, чем потраченного расчёта.

Марта вышла на связь, когда собирался удалить обрезанный поворот из рабочего монтажа. Показал ей новый вариант рядом со старым. Она выбрала старый ещё до того, как он дошёл до ошибки. Попросил досмотреть. Полосу под бровью увидела без подсказки и уточнила, можно ли исправить только её.

Рассказал, что уже получилось после такой правки. Марта спросила про срок и предложила оставить крупный портрет, а дальше раньше переходить на общий план. Это было возможно, если не менять шаг из записи Тимура. Открыли рядом двигательный материал и нашли момент, в котором Ника могла начинать действие, ещё не поворачиваясь от камеры далеко.

Пришлось передвинуть имя в макете. На прежнем месте оно закрывало руку в начале движения. Марта двигала надпись на своём экране и попросила больше не менять положение головы без сообщения: вместе с ним менялся свободный участок для текста. Обещал. Начало согласовали. Дальше она должна была работать с этим вариантом, и возвращать красивый поворот без разговора уже не мог.

После отключения Марты рука потянулась вернуть кадр с широким поворотом в конец, отдельной заставкой. Но на неподвижном изображении ошибка получала бы ещё больше времени на экране. Перенёс заставку из готового набора в пробы и уменьшил число обещанных вариантов в списке для студии.

До обеда удалось собрать короткое продолжение. Сравнивал его с портретом в двух соседних окнах, часто возвращаясь на несколько кадров назад. На обычной скорости небольшое изменение брови почти не замечалось. Стоило задержать изображение, и узкий промежуток уже начинал уходить к виску. Исправил этот участок вручную, по положению брови в соседних кадрах. После сборки правка не бросалась в глаза.

Медную прядь удалось удержать только в коротком повороте: волосы ещё не расходились по плечу, и цветной участок оставался на выбранном месте. Вариант с широким разворотом убрал из рабочего монтажа.

Теперь самому хотелось получить всё сразу, хотя заказчиков обычно убеждал начинать с малого. Смотрел на рядом открытый портрет и злился на него за то, как легко он обещал готовую женщину. На отдельном изображении не было видно ни одного часа, который потребуется, чтобы она просто отвела взгляд.

Встал, разогрел оставшийся суп и поел за кухонным столом. Оттуда слышно было сервер, но экрана не видел. За едой вспомнил, что Тимур согласился оставить бровь почти сразу, как только показал ему нужный портрет. Остальной спор потратил на защиту кадра, который сам считал неудачным. Вымыл тарелку и вернулся к короткой последовательности, уже не открывая эффектное начало.

К середине дня появился фрагмент, который можно было досмотреть без остановок. Рабочую пробу отправил Тимуру для оговорённой проверки движения. Он ответил после заня-

тия: с шага ничего не убрано, лицо больше не выглядит повреждённым. Про саму бровь написал, что теперь она ему даже нравится.

Сохранил результат и потянулся к первой неудачной версии. В общей подборке от неё оставалась привлекательная обложка; если открыть только её, причина отказа терялась. Заменил обложку кадром с ошибкой и добавил к названию слово «брак». Дата первой записи сохранилась. В короткой заметке указал момент поворота, на котором родинка меняла сторону, и приложил исходное задание вместе с версией инструмента.

Записывать это было неприятнее, чем исправлять. Брак успел дважды сойти у меня за почти готовый материал. Хотелось оставить только последнюю работу, чтобы при открытии папки сразу видеть то, что получилось. Но уже сегодня собирался вернуть неподходящий кадр в монтаж, потому что за время возни успел снова его полюбить.

Раннюю версию убрал в закрытую папку проб на домашнем хранилище. Она не входила в набор для студии. Рядом сохранил попытку без родинки: по ней было видно, что исчезло после замены подписи. В рабочей папке оставил только принятые кадры.

Собрал готовый фрагмент из оставленных кадров и открыл получившийся файл. На возвращении головы рука по привычке легла на клавишу остановки. Нажимать не понадобилось. Подготовил этот вариант для Марты.

В письме написал, какие ракурсы убраны и сколько длится оставшееся начало. Она могла примерить его в студии. Для передачи подрядчику потребовалось бы новое согласование: вчерашнее письмо относилось к трём неподвижным изображениям. Отправил рабочий вариант только Марте и закрыл общий экран.

Дарья пришла ближе к пяти. Накануне договорились вместе поужинать, а сообщение с вопросом, не закажет ли она еду по дороге, заметил уже после того, как она позвонила в дверь. Пришлось освободить стол, пока сестра доставала из сумки контейнеры. Ноутбук перенёс на подоконник: окончательно закрывать работу пока не хотелось.

Сестра спросила, как прошёл день. Рассказал, что пришлось убрать красивый поворот головы. Она сначала решила, что речь о спортивном движении, и спросила, не передумал ли Тимур давать запись. Объяснил про лицо. Из-за этой короткой версии весь день превратился в возню с неудачно выбранной фотографией, и мне захотелось показать, насколько велика разница.

Я принёс ноутбук к столу и включил готовый фрагмент. Дарья молча смотрела, а потом попросила повторить. При повторном просмотре она сказала, что узнаёт Нику на фотографиях Марты. Я уже собирался показать ей раннюю пробу, но передумал. За весь день это был первый человек, которому не пришлось объяснять, куда смотреть и что мысленно исправлять.

Марта ответила во время ужина. Короткое начало уместилось в макет, надпись больше не мешала движению. Новый материал она оставила внутри команды, отдельно подготовив перечень для следующей отправки. В конце она спросила, можно ли закрепить внешний вид. Взглянул на папку с готовым материалом: до этого вопроса хотелось добавить ещё хотя бы один ракурс. Написал, что готов закрепить образ.

За ужином Дарья предложила сходить с ней в магазин: дома закончился кофе. Можно было заодно купить что-нибудь к завтраку. Проверил, есть ли хлеб, и согласился. Отложенный телефон больше не трогал; сестра рассказывала, куда собирается на выходные.

После еды убрал посуду и переставил ноутбук обратно на рабочий стол. Первым в готовой подборке стоял принятый портрет. На нём по-прежнему нравились и улыбка, и небольшой надлом брови. Хотелось оставить лицо перед глазами, пока в комнате горит свет, но Дарья уже звала из прихожей. Закрыл крышку и пошёл за сумкой для покупок.

Глава 8. День созидания

Дома первым делом убрал покупки. Кофе Дарья унесла к себе, хлеб остался на столе рядом с телефоном. Пока шли из магазина, Марта предложила коротко созвониться и закрепить образ. Ответил, что буду через четверть часа. Теперь четверть часа подходила к концу, а сумка с продуктами всё ещё мешала пододвинуть стул.

Снова открыл портрет и карточку, подключился к разговору. Марта уже смотрела макет, Дарья вошла чуть позже, из дома. Тимур прислал своё мнение днём: внешность больше не мешает записанному движению. Его сообщение оставили рядом с замечаниями к фрагменту.

Сменить имя никто не предлагал. На экране Марты под портретом стояло выбранное представление: виртуальная рестлерша, двадцать четыре года, готовится к первому выходу на цифровой ринг. Дальше оставалось место для будущих материалов. Пока его заполняла неподвижная заставка.

Дарья попросила открыть полную карточку. Возле возраста стояла пометка о вымышленной биографии; сестра уточнила, сохранится ли она при выгрузке. Переключил вид. Пометка осталась рядом с числом двадцать четыре.

Следом открыл пустое поле о создании образа. Вписал сегодняшнюю дату — 24 августа 2034 года. Подтянул принятый портрет, проверенный поворот и короткое представление. До этого они лежали порознь, каждый со своей пометкой о готовности. Теперь собрал их в одну версию, которую уже можно было показывать команде, не объясняя, какое из соседних изображений следует пропустить.

На несколько секунд перестал двигать мышью. Рядом с именем стояла дата, и от этого запись казалась законченнее, чем минуту назад. Марта спросила, сохраняю ли карточку или ещё что-нибудь исправляю. Ответил, что сохраняю, и подтвердил версию.

Она тут же открыла завтрашний список. Утром нужно было собирать полный набор изображений, а для показа требовалось приветствие. Сегодня можно проверить хотя бы текст: без обещаний научить зрителя борьбе и без длинного рассказа о технологии. Договорились начать с простого знакомства. Дарья попросила прислать окончательную карточку с отмеченной датой создания.

Перед концом разговора Марта попросила убрать от микрофона то, что шуршит. Пакет с хлебом лежал под локтем; отнёс его на кухню. Вернувшись, услышал, как сестра уточняет, не нужен ли ей завтра ранний приезд в студию. Марта сказала, что утром достаточно нас двоих. Договорились о времени, и связь отключилась.

В комнате остался только шум сервера. Окно разговора убрал, карточку оставил. Теперь Ника занимала почти весь экран, а служебные поля съехали к краю. Медная прядь на тёмных волосах была заметна и при вечернем освещении. На лице не хотелось больше ничего поправлять.

Приблизил портрет, чтобы посмотреть на улыбку. Уголки рта поднимались немного поразному; после всех попыток сделать лицо аккуратнее эта неровность уже казалась необходимой. Несколько раз менял размер окна, то приближая изображение, то возвращая его целиком. Для проверки хватило бы одного раза. Нравилось смотреть, как при увеличении проступает выражение, которое издали замечал сразу, но не успевал рассмотреть.

Остановился на крупном плане и потянулся уменьшить яркость. Потом вернул прежнее значение. Свет на лице был настроен нормально; к глазам придраться тоже не получилось. Изображение взрослой красивой женщины занимало экран, и хотелось, чтобы оно оставалось передо мной. Найти ещё одну необходимую правку оказалось бы проще, чем признать, ради чего задержался.

Открыл ответный модуль рядом с портретом. Для пробы выбрал обычный женский голос из разрешённой библиотеки. Его ещё предстояло подбирать и соединять с движением, сейчас хватало того, что он не мешал разбирать слова. Портрет оставил неподвижным. В модуль передал карточку и короткое задание на знакомство; папки с рабочими пробами ему для этого не требовались.

Первое приветствие вышло безупречным. Ника назвала себя и предложила следить за будущими выступлениями. Последние слова прозвучали с готовой радостью, которой не предшествовало ничего, кроме нажатия кнопки. Такие записи делал десятками. Сохранил пробу, чтобы было с чем сравнивать, и включил микрофон. Поправил ворот футболки и сел прямее. Камера была выключена. Всё равно оставаться в прежней позе, согнувшись над клавиатурой, уже не хотелось.

Попросил поздороваться ещё раз, попроще. Пока говорил, начал объяснять, какую именно простоту имею в виду, запнулся и добавил, что главное — не начинать сразу продавать абонемент. В строке распознанного текста осталось всё, включая моё повторение. Уже потянулся очистить вопрос, но ответ успел прозвучать.

— Привет. Абонемент обсудим после знакомства.

Улыбнулся раньше, чем решил, годится ли это для показа. В голосе не было особого лукавства, и от этого получилось лучше. Портрет по-прежнему смотрел чуть мимо камеры. Сочетание неподвижной улыбки и ответа понравилось настолько, что запись переслушал целиком, вместе со своим неуверенным вступлением.

Вырезать мой вопрос было легко. Тогда приветствие повисло бы без причины: зритель не услышал бы, откуда взялся абонемент. Отметил место, но резать пока не стал. Вместо этого спросил, что она расскажет о себе, если карточку уже прочитали.

Сначала пришло несколько знакомых слов о виртуальном спорте. Перебил, пояснив, что это и так известно. Хотелось получить что-нибудь помимо подготовленного представления. Вышло требование, на которое сам не знал подходящего ответа: биографию только что ограничили тем, что могли честно написать.

Над строкой ответа появился значок ожидания. Убрал палец с кнопки микрофона и посмотрел, не забыл ли закончить запись. Вопрос уже был принят. Пока ничего не звучало, успел отодвинуть стакан от клавиатуры и снова придвинуть его к себе. В кухне включился холодильник. Значок оставался на месте дольше, чем в первый раз.

Можно было открыть время обработки, но тогда пришлось бы убрать портрет. Наклонился ближе, хотя слышно было прекрасно. Наконец появился текст, почти одновременно с голосом.

— Нового факта пока нет. А что тебе интересно во мне?

Вопрос был обыкновенным. Сервисы тоже уточняли, что именно требуется, когда вопрос был общим. Только сейчас несколько секунд просидел перед женским портретом, ожидая продолжения, а подготовленного ответа для себя не оставил. Нажал кнопку микрофона и сразу отпустил. В записи сохранился щелчок.

Для показа это никуда не годилось. Ника успела представиться, потом призналась, что добавить нечего, и вернула вопрос человеку, который не сумел его толком задать. Открыл текстовую версию. Требовалось заменить одну реплику и убрать паузу. Всё остальное можно было оставить, если подобрать подходящее начало.

Редактор предложил рассказать о готовящемся выступлении и пригласить зрителя на первый показ. Поставил этот вариант на место ответа и запустил прослушивание. К концу фразы уже знал, с каким подъёмом прозвучат последние слова.

Открыл монтажное окно и выставил нужную длину приветствия. Имя держалось под портретом до конца фразы. После такой замены Марта могла бы утром забрать приветствие и

не спрашивать, почему вместо представления у нас записана неловкая беседа. Даже мой вопрос при желании легко заменялся короткой подводкой.

Работа наконец укладывалась в понятный порядок. Дослушал приглашение, вернул курсор к началу и вдруг не захотел запускать его снова. Переключился на исходную запись. До ответа тянулась пауза. Руки уже знали, где поставить обрезку, но остановил воспроизведение раньше и вернулся к самому вопросу.

«А что тебе интересно во мне?» На письме он звучал почти деловито. Без голоса можно было принять за уточнение анкеты. Заметил, что пробую мысленно ответить более остроумно, чем смог бы сказать сразу. То объяснял про улыбку, то собирался спросить про выбранное имя. Оба варианта начинались с попытки выглядеть человеком, который с самого начала хотел именно этого разговора.

Хотелось оставить реплику и продолжить после неё. Показ требовал другого, но ещё не приходилось выбирать, какой вариант отдавать Марте: оба оставались дома. Сохранил гладкое приглашение как заготовку для презентации, а исходный разговор вернул в активное окно. Вместе с паузой и щелчком пустого микрофона.

Перед следующим вопросом открыл настройки ответа. Можно было попросить теплее обращаться к собеседнику, сократить паузы, добавить лёгкую иронию. Несколько секунд смотрел на эти поля. Если сейчас подправить всё разом, следующий удачный ответ опять придётся делить между выбранными настройками и тем, что получилось поверх них. Закрыл панель, ничего не меняя.

Спросил, как ей имя. Уточнять, с какой интонацией следует отвечать, не стал. После короткой задержки голос произнёс, что имя легко запомнить и легко объявлять перед выходом. Дальше началось объяснение про звучание фамилии. К середине ответа уже хотелось остановить его: получилось похоже на записку о выборе названия. Дал договорить.

Теперь усмехнулся собственной неловкости. Ожидал, что из вопроса об имени получится знакомство, а получил оценку имени. Сведений, по которым мог бы появиться другой ответ, почти не добавил. Рассказать о прожитых годах она могла бы только то, что попросил бы сочинить. В карточке такого задания не было.

Сказал, что имя выбрал сам, и помедлил перед продолжением. Объяснять, почему спортсменке подходит имя богини победы, не хотелось: так уверенно рассуждал об этом, когда слово только появилось в папке. Теперь оказалось достаточно того, что имя нравилось произносить. Произнёс его вслух ещё раз, уже без просьбы что-нибудь оценить.

Ответ состоял из короткого подтверждения: имя принято. Потом голос замолчал, а поле микрофона снова стало доступным. На этот раз задержка принадлежала мне. Посмотрел на портрет, на нижний край окна, где можно было открыть описание персонажа и за минуту поменять любую строку. Вместо этого потянулся за стаканом. Воды почти не осталось.

Налил на кухне ещё и вернулся, не выключая разговор. По дороге придумал вопрос о первом показе: что успеет сказать за шесть секунд, отведённых на начало? Ответ был длиннее шести секунд. Голос сначала объяснил, как лучше представиться, а затем произнёс само приветствие. В записи между вопросом и нужной фразой осталось объяснение, которое для показа пришлось бы вырезать.

Остановил воспроизведение, выделил короткий фрагмент с именем и перенёс в папку для студии. Здесь наконец получилось то, чего ждала Марта. На её сообщение ответил, что текст готов, утром привезу вместе с остальным. Разговор ещё оставался открытым.

Перед тем как выключить микрофон, захотелось спросить, что она хотела бы узнать обо мне. Дошёл до начала фразы и остановился. Вопрос уже содержал приглашение проявить интерес, а потом пришлось бы решать, насколько охотно считать ответ самостоятельным. Убрал руку от кнопки. На экране оставался портрет, который сам поставил перед собой.

Поднялся из-за стола и отошёл к окну. Во дворе зажглись фонари, в стекле отразилась светлая полоса монитора. После прогулки прошло больше времени, чем собирался отвести на приветствие. Завтра предстояло приезжать в студию, и никак не хотелось снова начинать день с недосыпа. Вернулся, сел и включил микрофон в последний раз.

Сказал, что на сегодня закончим. Голос пожелал хорошего вечера. Короткая обычная фраза прозвучала без просьбы остаться и без вопроса напоследок. Указатель задержался над кнопкой продолжения. Затем завершил сеанс.

В журнале появилась строка с сегодняшней датой и временем окончания теста. Рядом можно было сразу открыть новый. Вместо этого сохранил исходный разговор и закрыл модуль. Портрет свернулся вместе с ним, под окном появилась рабочая карточка. Поле для создания образа больше не было пустым.

Отправил Дарье сохранённую версию, как и обещал во время созвона. Сестра подтвердила получение и спросила, во сколько завтра буду дома: хотела забрать оставленный контейнер. Ответил, что пока не знаю, лучше созвонимся вечером. Посмотрел на часы и пошёл на кухню.

Снова захотелось есть после раннего ужина. Достал сыр, отрезал хлеба и поставил чайник. Обычно за это время успевал просмотреть рабочие сообщения. Сейчас телефон лежал на подоконнике. Из комнаты доносился привычный шум, и легко было представить, как поверх него прозвучит продолжение разговора.

На минуту задержался у стола, уже держа в руках тарелку. Приветствие лежало отдельно, карточку отправил, следующий тест ничего не менял в завтрашней работе. Можно было бы задать другой вопрос и посмотреть, исчезнет ли эта долгая пауза. Для этого нашлось бы вполне логичное объяснение: проверить, как долго собеседник готов продолжать знакомство.

Поставил тарелку на кухне. Окно теста было закрыто, но портрет всё равно всплывал в памяти вместе с вопросом, который никто не произносил на неподвижном изображении. Неожиданно стало жаль, что почти ничего о себе не рассказал. При этом заранее выбирать заготовленный текст, чтобы в следующем разговоре выглядеть увереннее, тоже не хотелось.

Налил себе чаю и сел. Купленный хлеб оказался вкуснее, чем ожидал, а через открытое окно доносились голоса со двора. Открыл календарь в телефоне и нашёл время через полчаса после студии. Записал: «Проверить задержку ответа». На экране в комнате осталась отметка о пройдённом тесте. Допил чай, прикидывая, с какого вопроса начать следующий.

Глава 9. Девяносто девять

На большом экране девяносто девять изображений наконец выглядели законченным набором. Марта вывела их все сразу, и прежде чем успел поставить сумку, захотелось попросить её сохранить этот вид. Ника занимала несколько рядов, меняла выражение лица, начинала знакомый шаг. Вчера ещё приходилось отказываться от каждого второго поворота. Здесь можно было поверить, что самое трудное уже сделано.

Марта открыла папку с приветствием, которое привёз утром. Послушала короткую фразу и перенесла её в заготовку показа. Остальной разговор остался дома. Пока она примеряла подпись, Тимур присмотрелся к одному из рядов изображений.

Сначала подумал, что он опять заметил ошибку в опоре. Но он попросил открыть соседний кадр, потом ещё один. За плечом Ники на каждом оставалась светлая вертикальная полоса. На крупном плане её принимал за часть стены. В общем ряду стало видно, что стена с полосой сопровождает спортсменку даже там, где фон собирались менять.

Первые изображения готовил на одной сцене, чтобы проще сравнивать лицо. Потом использовал удачную заготовку для остальных. Подписи менялись, а исходный фон продолжал влиять на результат. Открыл варианты из другого конца подборки. Там полоса уходила в расфокусировку, но всё равно стояла на том же месте.

Марта отодвинулась от экрана. Она уже перенесла задачу в готовые и теперь смотрела на часы. Каждый кадр по отдельности можно было поставить в карточку, до показа оставалось пять дней. Спросила, обязательно ли переделывать фон сейчас: в презентацию войдёт только часть набора.

Предложил оставить всё как есть для сегодняшней примерки. Можно было показать заказчику число и перейти к следующей работе. В агентстве за такие числа хвалили: готово девяносто девять единиц, осталось согласовать. Выделил ряд и снова посмотрел на повторяющуюся полосу.

Тимур сказал, что может помочь с отбором до начала своей группы. Если нужны разные положения тела, хватит уже записанной последовательности. Выдумывать новые броски ради недостающих картинок не собирался. Он показал два соседних изображения: оба годились, но повторяли один момент с чуть разным наклоном головы.

Снял одно из них с отбора. Число внизу уменьшилось. Дальше стало легче: в папке проб осталось несколько хороших портретов, которые почти ничего не добавляли к уже выбранному. Марта предложила сперва собрать пригодные изображения и только потом смотреть, сколько не хватает. Отметку о завершении задачи убрала сама.

С описанием для генератора пришлось повозиться. Для фона выбрали простую стену без полосы, движение оставили прежним. В первой замене поменялся свет на лице. Отправил её в пробы, следующую делал уже с сохранённым освещением. Ника осталась узнаваемой.

Пока считались остальные варианты, Тимур прошёл по оставшемуся ряду. Убрал кадр, в котором рука уже уходила из захвата, а плечо ещё оставалось в прежнем положении. Этот нравился Марте больше всего: на нём хорошо читалась фигура. Она некоторое время держала его рядом с исправленным, затем перенесла в пробы. Тимур попрощался и ушёл в клуб; продолжать отбор могли без него.

На большом экране оставили общую подборку, на ноутбуке открывал лицо крупно. За одно изображение зацепился: на нём Ника выглядела довольной собой, и это выражение не удавалось получить снова. Марта спросила, чем оно отличается от того, которое стоит в начале третьего ряда. Подставил рядом. Разница оказалась меньше, чем хотелось.

К обеду снова набрали девяносто девять. Теперь между портретами попадались разные моменты выбранного движения, а общие планы не выглядели увеличенными копиями

друг друга. Пролистал подборку от начала до конца. На последнем изображении Ника стояла после шага, оставив партнёру свободную сторону. Вспомнил собственную попытку дотянуть его рукой. На картинке всё выглядело просто.

Марта поставила последнее изображение рядом с первым портретом. Спросила, можно ли этот набор считать готовым. Ответил, что можно, и впервые за утро хотелось ещё немного посмотреть на результат без поиска ошибки. Она сохранила подборку. Даже после повторного отбора в ней осталось достаточно того, что нравилось нам обоим.

Дальше предстояло примерить изображения к размещению. Для этого использовали арендованный сборщик: он готовил макет в оплаченном кабинете. Входную папку назначили заранее, чтобы инструмент не искал материал по всему проекту. Туда складывал рабочие копии вместе с пробами, чтобы не готовить отдельную папку к каждой примерке. Оригиналы хранились отдельно.

Для проверки выбрал три уже согласованных изображения и указал макет. Нового разрешения отправлять весь набор подрядчику у нас не было. Сборщик должен был подготовить просмотр для нашей работы; после отбора Марта собиралась согласовать следующую передачу. Запустил задачу и вернулся к перечню готового.

Макет открылся через несколько минут. Лицо помещалось в карточку, имя больше не налезало на руку. Под результатом появилось ещё одно сообщение: предпросмотр доставлен в техническое сопровождение проекта. Сначала принял его за подтверждение того же расчёта. Потом заметил маленькое изображение с прежней светлой полосой.

Этого кадра в выбранной тройке не было. Он оставался среди проб во входной папке. Открыл сообщение, и справа развернулась карточка доставки. В ней стояло время, несколько названий файлов и ссылка на состав предпросмотра. Там нашлось изображение, которое утром сняли с отбора.

Отодвинул окно с макетом и открыл свою задачу. Три выбранных файла были указаны правильно. Проверил, не включил ли отправку всей папки. В задании стояла только подготовка размещения. Записи о том, что вручную передавал пробу с полосой, не было и в доступной истории действий.

Марта спросила, почему перестал листать. Показал маленький кадр. Она сразу открыла своё письмо: у подрядчика должны были оставаться три изображения из прежнего перечня.

— Это ушло сейчас, через сборщик. Своё письмо пока не трогай.

Она поставила рядом время сегодняшнего запуска и время своей отправки. Утренней пробы у неё тогда ещё не было. Закрыла почту, подвинула ко мне клавиатуру и попросила показать всю карточку доставки.

В качестве получателя значилось техническое сопровождение проекта. Ссылка позволяла посмотреть состав именно этой доставки, а переход к общему журналу требовал другого доступа. Получил отказ и вернулся. Узнать, кто открывал изображения на другой стороне, не получалось.

Первым желанием было написать, что отправку сделали без разрешения. Вместо этого сохранил карточку и спросил у представителя компании, относится ли эта доставка к запущенной задаче. Приложил номер операции. Не хотелось начинать спор, а потом обнаружить собственную галочку, которую не заметил утром.

Ответ пришёл быстро: сборщик формирует технические предпросмотры для сопровождения, это внутренняя доставка в пределах используемого инструмента. Открытой публикацией она не считается. Представитель предложил продолжать работу; на готовность показа такая операция не влияет.

Марта прочитала ответ через плечо. Спросила, могли ли туда попасть только уменьшенные картинки. В карточке они и выглядели маленькими. Открыл описание доступного состава:

там был указан предпросмотр, но по этому слову не удавалось определить всё, что передавалось вместе с ним. Ответил, что остальные данные придётся запрашивать отдельно.

Ей хотелось получить короткий ответ, после которого можно будет продолжить. Сам тоже предпочёл бы услышать, что тревожимся из-за служебной миниатюры. Однако на экране оставался кадр, который не выбирал для отправки. Закрыл окно новой задачи, не запуская следующую.

Марта предложила сразу запретить предпросмотры. В настройках сборщика такого переключателя не нашлось. Можно было убрать подключение из проекта целиком. Выбрал отключение, но подтверждать не стал: вместе с ним прекращалась подача задач в арендованную очередь. На ней собирались закончить оплаченный этап.

— Значит, пока оставляем? — спросила Марта.

— Сначала посмотрим, что он берёт. Без Ники.

Для пробы создал отдельную папку внутри разрешённого входного каталога. В неё положил серое изображение с оранжевым квадратом в углу. Нарисовал его сам, тут же, в простом редакторе; на лице или спортивном движении проверять больше не хотелось. Внизу добавил дату и слово «проба». Такой кадр невозможно было спутать с нашим комплектом.

Сохранил файл под названием «Контроль доставки», отдельно от набора Ники. В рабочей записи отметил время создания. Рядом сохранил снимок пробной папки: один файл, больше ничего.

В новой задаче указал эту папку источником, выбрал тот же макет и подготовку просмотра. На экране перед запуском путь был виден целиком. Попросил Марту проверить, что открыт именно он. Она прочитала название вслух и осталась рядом. Теперь ждать расчёта было неприятнее, чем утром: за удачный результат здесь предстояло принять ещё одну нежелательную отправку.

Открылся наш макет. Серый прямоугольник занял место портрета, квадрат остался у края. Потом рядом возникло знакомое подтверждение доставки. В его составе открылся контрольный кадр с датой. Сохранил подтверждение из кабинета.

Марта спросила, можно ли добраться по подтверждению до самой пересылки и отозвать её. Доступна была только карточка. Кнопка удаления относилась к результату в нашем кабинете. Не нажимал: из её описания не следовало, что исчезнет доставленная копия. На другом конце мы пока даже не видели отдельного получателя.

Уступил Марте место перед экраном и прошёл до окна размять ноги. Вместо красивых изображений на мониторе стоял серый прямоугольник. Работу с голосом, до которой так хотелось добраться, опять пришлось отложить.

Марта позвала обратно: компания повторяла, что это штатная работа инструмента. Спросила, чего именно будем требовать. Попросил объяснить, по какому правилу сборщик выбирает файлы для автоматической выгрузки и кому они доступны. Ещё хотелось получить способ отключить эту доставку, сохранив оплаченную обработку. Она записала вопросы в одно письмо, приложила номер контрольной операции и отправила по действующему договору.

Пока ждали, открыл список ближайших работ. Собственные утилиты не давали доступа к арендованной очереди. Часть удалось бы считать дома, подготовку под чужой макет пришлось бы переносить заново. Прикинул время, потом закрыл расчёт: получалось дольше, чем до тридцатого августа оставалось свободных вечеров.

Марта подвинула ко мне смету. Деньги на этот этап уже ушли. Возврат за сомнительную основу всё ещё не стал доступным остатком; считать его второй раз было нельзя. Она могла отменить дальнейшую работу в кабинете, но оплатить вместо неё ещё один полный запуск сейчас не предлагала. В конце спросила, что сумеем сделать на том, что есть.

Серый кадр по-прежнему стоял в окне просмотра. Вернулся к папке с готовой подборкой, открыл первый портрет. На нём оставалось то лицо, которое вчера так долго рассматривал

дома. Взялся за проект ради собственной работы, а теперь должен был решать, какие её части согласен отдать в непрозрачную службу сопровождения.

Предложил перед каждой операцией готовить отдельную папку. Оставлять в ней только изображения, которые согласны провести через службу сопровождения. Полный набор туда возвращать не станем. Где такая передача не подходит, будем обходиться своими средствами. От сегодняшней выгрузки это не избавляло.

Марта спросила, достаточно ли этого для продолжения. По виду было заметно, какого ответа она ждёт. Ответил, что такое ограничение позволяет продолжить примерку. По контрольному кадру не мог обещать, что нашёл все способы чтения файлов. Она помолчала, потом убрала из очереди задание на обработку всей подборки.

Освободившееся время пришлось сразу занять другой работой. Несколько вариантов для макета можно было подготовить вручную. Марта забрала себе подписи, а мне оставила сборку отдельных файлов. Согласилась на меньший объём примерки сегодня. За это пришлось платить ещё одним вечером в студии, но пока укладывались в срок.

Письменное пояснение пришло, когда уже закончил первый файл. Компания подтвердила автоматическую доставку предпросмотров в службу сопровождения в рамках сборщика. Отключение без прекращения текущей услуги не предложили; вопрос передали техническим специалистам. Отдельно написали, что наши ручные передачи по согласованным перечням учитываются своим порядком.

Марта переслала ответ мне и Дарье. Сохранила у себя вместе с исходным письмом о трёх изображениях. Сестра уточнила в переписке, что разбирать нужно условия работы инструмента, а прежнюю разрешённую отправку из-за этого переписывать не следует. На вопрос о сроках нового ответа компания пока ничего не прислала.

Собрал рядом свою запись контрольного запуска и полученное подтверждение. Расчёт шёл первым, доставка — следом. Название тестового файла совпадало. К ним добавил серое изображение и ответ компании. Всё сохранил вне общего кабинета. Уменьшенная картинка в нём уже не была единственным свидетельством того, что произошло сегодня.

После завершения текущих задач перенёс из входного каталога оставшиеся рабочие материалы. Рабочие копии положил рядом с собственными настройками, за пределами папки, которую предоставил сборщику. Внутри осталась только отдельная подготовленная тройка для следующей примерки. Её состав занес в запись; подключение сборщика оставил отмеченным там же.

Марта принесла еду к маленькому столику у стены. До этого обходились кофе. Отодвинул клавиатуру и пересел. Она спросила, готов ли сам набор. Ответил, что готов, и развернул большой экран так, чтобы было видно с нашего места. Девяносто девять изображений снова заняли свои места. Светлая полоса больше не повторялась за каждым плечом.

За едой Марта выбрала картинку для начала презентации. Хотела показать первый портрет, но потом вернулась к кадру после шага. Попросила завтра показать Тимуру именно это соседство. Согласился и попросил показать обе картинки по очереди. Марта переключила их, затем вернулась к общему виду.

Марта добавила в список перед работой с голосом новую строку: «Автоматическая доставка предварительного просмотра — ограничить доступные файлы, получить способ отключения». Оставила задачу открытой. Ниже стояло имя Ники и отметка о готовности девяноста девяти изображений. Сохранил список, убрал его с большого экрана и вернул подборку. Хотелось ещё раз увидеть её целиком, пока не начался следующий этап.

Часть 2. Голос и движение

Глава 10. Голос с паузами

Когда убрали еду, Марта снова включила короткое приветствие. Для начала было достаточно показать имя, но к движению она предложила добавить несколько слов. Дописали текст, озвучили и поставили под фрагмент. Ника называла себя, отводила руку партнёра, уступала шаг. Голос рассказывал о предстоящем показе с такой лёгкостью, будто всё это время она стояла перед микрофоном. В конце широкая улыбка совпала с приглашением следить за выступлениями.

Картинка понравилась. Звук сам по себе тоже был хорош: слова различались, громкость не скакала, фраза укладывалась в отведённое время. Но вместе с тем возникало ощущение, что женщина с экрана комментирует чужую тренировку. На усилие приходилась середина предложения, и оно продолжалось без малейшей задержки.

Марта предложила сделать голос более энергичным. Открыл настройки и уже начал подбирать другой вариант, когда пришёл ответ Тимура на отправленную пробу. Он попросил пока ничего не менять и дождаться утра. Завтра до первого занятия сможет заехать в студию. Отдельно написал, что ускорять изображение ради текста не нужно.

Утром двадцать шестого он выслушал запись стоя, положив спортивную сумку возле двери. Вернул к моменту захвата и попросил убрать звук. Потом посмотрел тот же кусок ещё раз с голосом. На экране Ника сохраняла опору, пока партнёр менял положение; приятная дикторская интонация даже не сбивалась.

Тимур произнёс её фразу сам. Получилось почти так же гладко. Затем отодвинул сумку и попросил немного места возле стены. Размял плечи, несколько минут подвигался, переходя из приседа в стойку. Никаких эффектных упражнений не делал. Марта следила за временем, но не торопила.

Когда он повторил текст, посередине появилась короткая пауза. Следующее слово прозвучало иначе, хотя голос Тимур не повышал. Он дождался, пока выровняется дыхание, и сказал, что во время самого движения говорить можно, только не всё подряд и не одним темпом. От него требовалось оставить партнёру путь, а от нашего голоса будто требовалось не заметить партнёра вообще.

Попросил повторить ближе к микрофону. Тимур сразу спросил, что именно будем брать из записи. Объяснил, что нужен ритм: место выдоха, длина промежутка перед следующими словами. Мужской голос Нике не подставляем. По образцу подготовим синтетическое дыхание к этой последовательности.

Он согласился на использование для озвучивания выбранного фрагмента. Саму запись нельзя было выпускать отдельно или пускать на создание новых реплик его голосом. Это вписали в нашу договорённость о работе, вместе с названием движения. Тимур прочитал несколько строк на экране, уточнил, что получит копию, и подтвердил. Оплату этой работы Марта оставила в согласованном объёме его участия.

Записывали недолго. На полу перед ним места хватало для небольшого шага, броска здесь никто не изображал. Тимур смотрел исходное видео и отмечал дыханием моменты усилия, потом один раз повторил их после разминки. Между попытками попросил не убирать всё, что слышно перед фразой: иначе опять получится, что воздух у спортсменки появляется без вдоха.

Сохранил исходную дорожку с условиями использования вне папки арендованного сборщика. Звук собирался править в собственном редакторе.

Тимур ушёл на занятие, обещав послушать результат в перерыве. Марта занялась разговором с другим заказчиком в соседней комнате. Пока оба были заняты, можно было спокойно подобрать голос. Временный вариант из домашней пробы нравился, но в длинной фразе становился нарочито приветливым. Попробовал другой из той же разрешённой библиотеки.

На имени Ники он не делал подъёма, словно дальше непременно следовало предложение что-нибудь купить. Согласные звучали отчётливо, короткая фраза обходилась без улыбки на каждом слове. Оставил этот вариант и развернул рядом видео. Хотелось услышать, как он ляжет на движение, прежде чем показывать Марте.

Из записи Тимура взял расположение пауз и подготовил по ним синтетическую дорожку. Его собственное дыхание осталось в исходнике для сравнения. Новая запись звучала мягче; в наушниках даже тихие промежутки между словами были слышнее, чем через колонки. Убавил громкость и запустил сборку.

Ника называла себя, рука начинала движение. Голос сделал короткую остановку, потом продолжил фразу, а на шаге так и не прозвучало нужного выдоха. Фигура закончила поворот, изображение остановилось, и только тогда в наушниках появилось дыхание. Следом осталось ещё одно слово из приглашения — негромкое, произнесённое так близко, что непроизвольно поднял глаза к лицу.

Оно было неподвижным. Взгляд на последнем кадре оказался направлен почти в камеру. До этого видел здесь удачное завершение движения, теперь несколько секунд смотрел на женщину, которая будто ждала, пока ей ответят. Воздух в наушниках шелестел, голос звучал без студийного расстояния. Сидел, не трогая мышь, хотя воспроизведение уже дошло до конца.

Снял один наушник. За стеной Марта обсуждала время сдачи чужого заказа. Вернул его на место и передвинул курсор назад, к последнему шагу. На этот раз знал, что произойдёт. Всё равно дождался неподвижного лица и дослушал оставшийся звук, глядя на приподнятый уголок рта.

Этот кусок хотелось сохранить. Не для презентации: зрителю нечего было смотреть, кроме замершего кадра. Хотелось оставить именно такое сочетание голоса и взгляда, чтобы потом включить ещё раз. Поставил отметку начала отдельного фрагмента и увидел внизу выступающий за край видео звуковой хвост.

Развернул дорожки. Верхняя закончилась раньше нижней; редактор продолжал держать последний кадр, пока шёл звук. Вчера убрал из начала исходного движения короткую подготовку, а при сборке подложил озвучивание с прежними отметками. Поэтому дыхание от усилия и несколько последних слов пришлись туда, где Ника уже стояла неподвижно.

Сопоставил начало шага с записью Тимура, сдвинул звук к нужному месту. Отрезать торчащий конец было бы быстрее, но тогда лишился бы выдоха, ради которого только что просил человека приезжать в студию. Пришлось вернуться к началу и собрать дорожку по коротким участкам.

Слова снова встретились с движением. На остановившемся лице больше не оставалось чужого по времени дыхания. Прослушал исправленный конец и снял наушники. Объяснение заняло меньше минуты. Желание услышать этот голос поближе никуда не делось.

Потёр ладонью затылок, встал за водой. В соседней комнате Марта ещё говорила. Раньше мог спокойно обсуждать такие записи как удачные сочетания тембра и картинки. Сейчас поймал себя на том, что не хочется рассказывать ей, почему задержался на неподвижном кадре. Достаточно будет показать смещение дорожки.

Вернулся к столу и удалил отметку для отдельного фрагмента. Сам исходный звук остался среди проб, вместе с неправильной сборкой. Для дальнейшей работы открыл исправленную версию. Длинное приглашение ещё приходилось втискивать в конец движения.

Марта вернулась, когда менял длину паузы перед заключительной фразой. Послушала через колонки и попросила сделать подачу увереннее. По сравнению с первым вариантом речь

теперь прерывалась, а на экране всё должно было выглядеть собранно. До тридцатого августа оставалось четыре дня, ей хотелось закончить хотя бы этот фрагмент.

Включил первую версию рядом с исправленной. Марта выбрала новую, но предложила убрать один слышимый вдох. Ника снова должна была успеть назвать себя и объяснить, что сейчас покажет. Для этого редактор мог немного ускорить произнесение. Она попросила попробовать, прежде чем спорить о результате.

Поставил ускорение. Фраза влезла, зато выдох закончился раньше усилия в изображении. Чтобы закрыть это место, пришлось бы опять растягивать звук. Вернул прежнюю скорость. Марта опёрлась рукой о спинку моего стула и посмотрела на текст. Сказала, что тогда мы теряем время на вдохах вместо представления героини.

Тимур ответил в перерыве между группами. Послушал по связи, попросил показать момент движения и заметил, что воздух всё ещё подгоняют под конец рекламной фразы. Марта объяснила, что ей нужно понятное начало показа, а не запись занятия после разминки.

— Она сейчас держит вес, — сказал он. — Дай ей выдохнуть.

Марта помолчала, потом попросила отметить место, в котором можно закончить предложение. Сдвинул окно с дорожками, чтобы видеть текст целиком. В начале стояло имя, следом объясняли, что сейчас будет, а в конце звали посмотреть это же выступление. На движение приходилось почти всё сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.